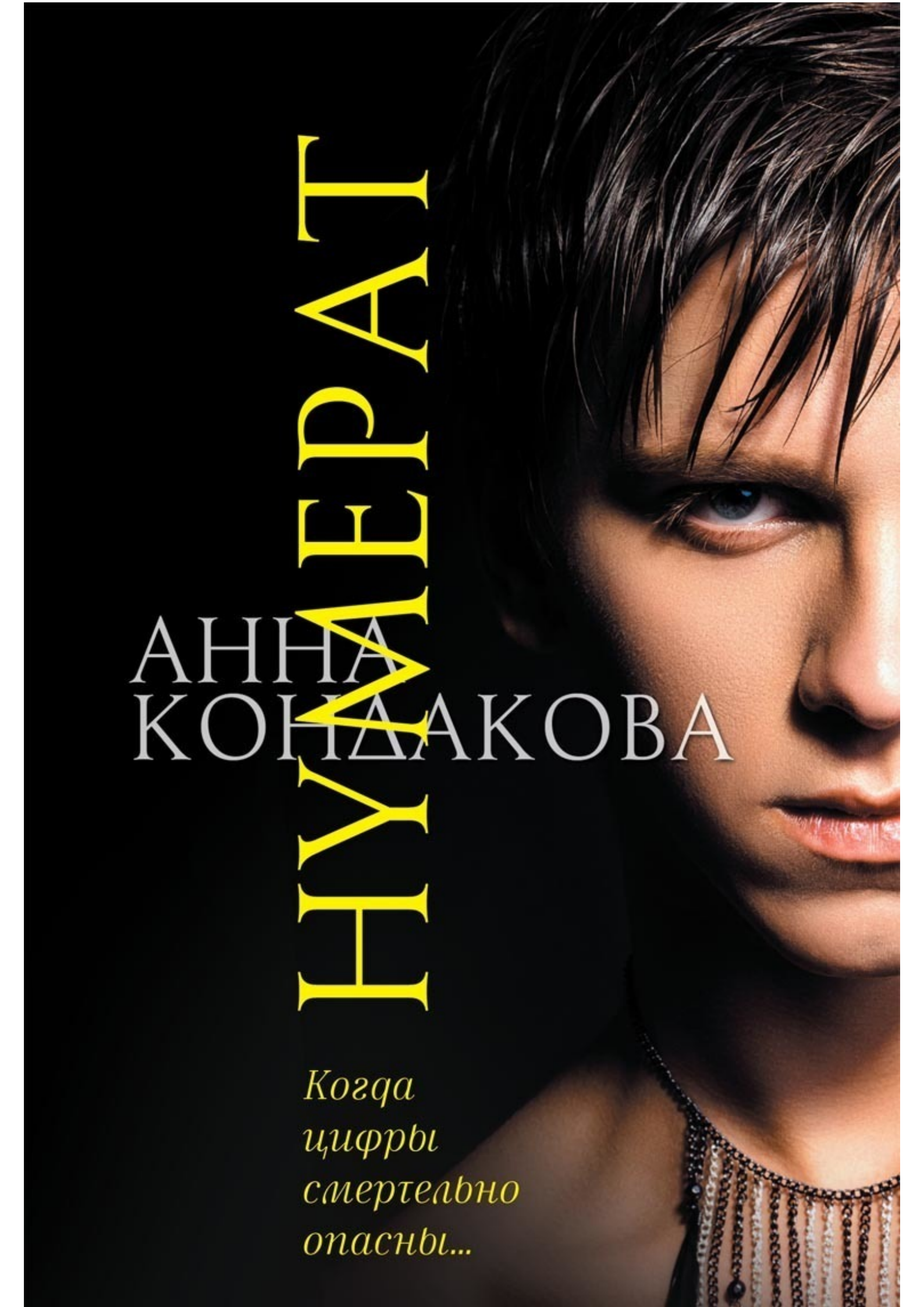

АННА КОНИДАКОВА ИНТЕРНАТ

*Когда
цифры
смертельно
опасны...*

Дети индиго

Анна Кондакова

Нумерат

«Аквилегия-М»

2018

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рус-Рос)6-445

Кондакова А.

Нумерат / А. Кондакова — «Аквилегия-М», 2018 — (Дети индиго)

ISBN 978-5-906950-19-2

Для Дениса талант в математике становится роковым: тайный орден равновесия избирает его своим нумератом. Тем, для кого люди – лишь числа в уравнении. Тем, от чьего решения зависят чужие судьбы. Тем, кто не имеет права на ошибку. Теперь каждый его шаг определяет суровый Кодекс, отступление от правил грозит смертью, а помощи ждать бесполезно. Единственный шанс спастись – использовать ум и заручиться поддержкой команды, которую ещё предстоит собрать. Денис начинает опасную игру. Игру с системой цифр и законов, в которой способен выжить только гений.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рус-Рос)6-445

ISBN 978-5-906950-19-2

© Кондакова А., 2018
© Аквилегия-М, 2018

Содержание

1. Номер один. Денис	6
2. Номер два. Вика	10
3. Номер три. Асель	13
4. Номер четыре. Арсений	14
5. Колесо закрутилось	17
6. Странная девушка в больничном халате	28
7. Свидание не состоялось	34
8. Инструкция	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Анна Кондакова

Нумерат

© Кондакова А., 2018

© Издательство «Аквилегия-М», 2018

* * *

*Искать решение – мастерство,
Принимать решение – смелость.
Из Кодекса Нумерата*

1. Номер один. Денис

Воскресенье, 4-е апреля, 06:30

Говорят, когда чего-то очень ждёшь, оно сбывается. Только порой всё выглядит не так, как ты рисовал себе в мечтах.

Денис мечтателем не был, но с трепетом считал дни до наступления заветного четвёртого апреля. Желудок уже неделю ныл от беспокойства, да и сон пропал. Тревожные мысли кипели в голове и сводились к одному – четвёртого апреля что-то обязательно должно произойти. Что-то значительное. Только вот плохое или хорошее – неизвестно. Внутренний скептик уже порядком подпортил нервы и настаивал на своём: произойдёт плохое. Даже катастрофическое.

Эх, не вляпаться бы в неприятности.

То апрельское воскресенье начиналось как и все предыдущие воскресенья за последние полгода, – с автобусной остановки. Утро выдалось ясным. Денис глубоко вздохнул. Аромат весны засвербел в носу – пряный, густой, наполненный дымом костров и парами влажного асфальта.

Хотя кому-кому а уж Денису сегодня было не до весны. После тренировки тело украшали ссадины, царапины и синяки. Не повезло даже лицу: левый глаз припух, а на переносице появился тонкий порез, будто кто-то красным фломастером черкнул.

Содрав с пальцев пластырь, испачканный рыжей кирпичной пылью, Денис невольно поморщился. Клейкая ткань оторвалась с мерзким звуком и оставила на костяшках чистый прямоугольный след.

Денис тёр пострадавший кулак, косясь на подругу, стоящую рядом, и мысленно допытывал сам себя: ну и зачем надо было так усердно колотить по груше? Как всегда, перестарался.

– Двадцать восьмой. Твой автобус. – Вика подтолкнула Дениса в спину. – Будь начеку, Тимошин. Сегодня четвёртое апреля.

– Да хоть пятое, – отмахнулся тот, при этом нервно сглотнув.

– Четвёртый день четвёртого месяца. Ни о чём не напоминает? – Вика окинула друга суровым придирчивым взглядом. – И сумку закрой, дурень.

– Да ладно тебе напрягаться, Вик, – хохотнул Денис в ответ, но приказ беспрекословно выполнил – застегнул молнию на любимой спортивной сумке (сегодня Вику он решил не провоцировать: она и без того была на взводе).

– Как-то не до шуток, – хмуро обронила подруга. – Но, надеюсь, выживем, – подумав, добавила она свою бессменную фразу, которая, впрочем, не имела для неё особого значения.

Вика произносила её и вчера, и позавчера, и на прошлой неделе. Всегда с одним и тем же выражением лица, какое бывает у ведущих теленовостей, когда они невозмутимо сообщают о катастрофе.

Первый утренний автобус остановился, шумно испустив зловонный выхлоп.

Денис обернулся на подругу.

– Не бойся, Вик, сегодня самый обычный день, – произнёс он небрежным, максимально наплевательским тоном.

Вика еле заметно кивнула, поправила рюкзак на костлявом плече и неожиданно улыбнулась. Коряво и вымученно, кое-как. Для неё улыбнуться – настоящий подвиг, словно она рискует потрескаться, если сделает это.

Обычно в четырнадцать лет девчонки улыбаются всем подряд. Им ли не знать заповедей жизни в обществе? Если хочешь, чтобы с тобой общались, будь весел и задорен, говори громче и выставляйся напоказ – эти нехитрые правила выживания касались всех, и девчонок в том числе.

Но Вика не любила правила. Она создавала свои и следовала им одна. За это её не особо любили в школе. Одни называли её изгоем, другие – выскочкой, третьи – социопатом. И держались от неё подальше, будто она заразная. Вика от одиночества не страдала (или так казалось?) и выходила из комнаты лишь по серьёзной надобности. Живое общение ей заменили книги и интернет.

– Скажи, что упал на волейболе, ладно? – Подруга указала взглядом на припухший глаз Дениса.

– Уже говорил на прошлой неделе. Не поверит.

– Человек имеет право падать еженедельно, это его личное дело, – безапелляционно выдала Вика, поправляя выбившуюся из-под шапки жиденькую чёлку. – Всё, Тимошин, вали. Позвони к обеду. В парке встретимся, как договаривались.

Денис заскочил в пустой автобус и уселся на ближайшее сиденье. Вика небрежно махнула рукой. Забавно, но в окне подруга сливалась в одно серое грустное пятно: русые волосы – прямые, точно из-под утюга, очки в грузной оправе, шапка с потрёпанным помпоном, мешковатый свитер неопределённого цвета, поношенные джинсы и кеды, старый рюкзак. Всё для того, чтобы быть максимально незаметной и неинтересной для окружающих. Этакая добровольная серая мышь, затворница, королева безликого мира.

С детства Вика Паскаль и Денис Тимошин поддерживали друг друга. Это была настоящая крепкая дружба (не любовь, а именно дружба – основополагающее уточнение). Вика, хоть и была помладше, всегда оставалась не по-детски серьёзной, рассудительной, надёжной. Её физическая хрупкость никак не вязалась с грубоватым голосом и намеренной хамоватостью: обычно в выражениях Вика не стеснялась и за словом в карман не лезла.

Денис даже мог бы назвать её мудрой, если бы она порой не совершала поступки, слишком далёкие от понятия «здоровый смысл». Да и сложить в уме трехзначные числа для неё казалось чем-то сверхчеловеческим, а уж если решить задачу без калькулятора – это безоговорочная Нобелевская премия.

Дополнительные занятия по математике, на которые Вика ходила по требованию родителей, не давали никакого эффекта. Даже известная на весь мир фамилия Паскаль ей не помогала. Любовь к цифрам закончилась для Вики где-то в третьем классе. Это понимали все, кроме тех, кому был нужен идеальный ребёнок.

Родители возлагали на дочь внушительные академические надежды и ждали от неё блестящих побед в математике. Она же упорно любила мировую литературу, философию, историю и обществознание. В общем, всю ту кашеобразную гуманитарную белиберду, не входящую в понятие «точные науки».

Вдобавок любую из своих реплик Вика приправляла цитатами из многочисленных прочитанных ею книжек. Сейчас она бы процитировала обожаемого Марка Твена, который утверждал, что «никогда не позволял школе вмешиваться в своё образование». С Викой было что-то подобное.

Денис же, как человек далёкий от размышлений о смысле бытия, терпеливо решал за подругу все задачки, что давали на дом. Порой он намеренно допускал пару ошибок, выполняя работу на «четвёрку», чтобы их уловку не раскрыли. Быть идеальным – слишком заметно, а им нельзя привлекать внимания. Такую жизнь они выбрали сами. И каждый – по своей причине.

Вика училась в восьмом классе, Денис – в десятом. Разница в возрасте никак не влияла на их дружбу. Единственное, что портило Вике настроение в последнее время, – переезд друга в Питер. Так решили его отец и кучка профессоров одного престижного питерского вуза, в котором Денису сулили блестящее будущее в роли учёного-математика: «Уникальные способности твоего мозга, юноша, нельзя пускать на самотёк. Ты же гений!».

Ага, как же. Гением Денис себя никогда не считал. Так, человеком с математическим складом ума. Всего-то. И если говорить честно, то тема переезда его тоже немало смущала.

За себя он не переживал – в Питер, так в Питер – но вот мысль о том, что придётся бросить нелюдиму Вику на растерзание обществу и репетитору по математике, да ещё в маленьком захолустном городке, не давала ему покоя.

Вика не признавала своей уязвимости, как и любая непопулярная личность. С людьми она не ладила и всячески давала понять, что ей до них нет никакого дела. Люди отвечали ей тем же. Социальная изоляция подруги имела лишь один плюс – Вика умела хранить тайны и оставалась единственной, кому Денис осмелился доверить самое сокровенное. Он знал: такие, как Вика, секретов не выдают.

Автобус проскочил очередную пустынную остановку и повернул на главный городской мост. Грузная машина стремительно набирала скорость, раскачиваясь на выбоинах асфальта. Денис по привычке уставился в окно,водя взглядом по унылому городскому пейзажу, – и вдруг застыл от ужаса. На сером однообразном фоне мелькнула девушка в броском жёлтом платье. И всё бы ничего, но она перелезала через перила моста. Чёрт возьми, что она делает? Неужели собралась прыгать? Самоубийца? Или щекочет себе нервы?

Денис рванул к дверям и забарабанил по стеклу.

– Остановите, остановите! Стойте, откройте двери!

Секунда, другая, третья, четвёртая... Они сошли бы за час.

Автобус принял вправо, коряво вильнув, и затормозил. Распахнулись двери. Денис выскочил и понёсся к середине моста.

Девушка всё ещё стояла на краю, вцепившись в перила руками, и не отрываясь смотрела вниз, на реку. Длинные чёрные волосы трепал ветер. Незнакомка была одета совсем не по погоде – в лёгкое летнее платье, – а ведь на дворе холодное апрельское утро. Ну, точно: сумасшедшая.

– Эй! – крикнул Денис. – Эй! Не смей прыгать!

Она даже не обернулась. Шагнула вниз.

У Дениса будто сердце вырвали. Ни разу в жизни за свои шестнадцать лет он не видел, как люди убивают себя. Она ведь так молода, явно не старше его. Зачем она прыгнула?

Решение в голове возникло молниеносно. Не зря же Денис с таким рвением тренировался каждую неделю. Возможно, вот уже полгода он готовился именно к этому моменту. Кто знает? Сегодня ведь четвёртое апреля, поэтому может случиться всё что угодно.

Денис не отличался беспечностью, не стремился показаться героем и не совершал безумных поступков. Но трусом никогда не был. Никогда. Он задержался на несколько секунд, оценивая расстояние до воды и анализируя шансы выжить после прыжка. Мозг, как компьютер, хладнокровно просчитывал варианты. Примерно семьдесят на тридцать. Семьдесят – неудачно, а значит, смертельно. Тридцать – удачно, а значит, надо попробовать.

Вероятно, девчонка потеряла сознание от удара или страха, и в ближайшие пять минут просто-напросто захлебнётся. Но только не сегодня. Не сегодня и не на его глазах. Денис быстро стянул с себя куртку, перемахнул перила и встал на бетонном краю. Дыхание замерло на глубоком вдохе. Была не была! Семьдесят на тридцать...

Решение принято. Решение, о котором, возможно, придётся пожалеть.

Полёт длился секунды две, не больше. Выходит, высота моста порядка девятнадцати метров. В какой момент мозг успел сделать вычисления, Денис и сам не понял. Мутная ледяная вода обожгла тело, сковала мышцы. По всем физическим законам Дениса должно было потянуть вверх, но он пошёл на дно, окутанный мелкими пузырьками воздуха. Лёгкие сжались, грудь нещадно сдавило.

Первые секунды шока длились до жути долго, будто растянулись во времени. Придя в себя, Денис устремился к поверхности. Левую голень пронзила внезапная и острая боль – прыжок вышел не совсем удачным. Видимо, Денис ударился о камень, но в холодной воде не сразу

и почувствовал: сработала как анестезия. Вот же зараза! Ну, ничего. Плавает он отлично, выберется как-нибудь.

Денис вынырнул, отдышался и повертел головой – никого, только шум воды. Ни криков о помощи, ни всплесков. Если девчонка потеряла сознание, то её отнесло течением. Денис поплыл по течению, позволив волне подхватить себя и беспрестанно оглядываясь по сторонам.

Как назло, весенние воды – илистые и замутнённые – скрыли девчонку с глаз, стремясь скорее похоронить её в смертельных объятиях. Денис надеялся только на одно – ярко-жёлтое платье: оставался шанс разглядеть его даже в мутной воде.

Снова погрузившись в толщу реки с головой, Денис проплыл несколько метров и у самого дна, ближе к берегу, среди мешанины ила и кусков набухшей коры заметил яркое пятно – то самое платье. Слава жёлтому цвету, сочному и лучистому! Одним мощным рывком Денис добрался до девчонки, не церемонясь, ухватил её за длинные волосы и потянул вверх. Выбравшись на поверхность, он поплыл к берегу, придерживая бездыханную утопленницу одной рукой.

По обеим сторонам реки уже завывали кареты скорой помощи. Кто и когда успел вызвать медиков? Наверное, прохожий или водитель автобуса. Теперь уже неважно. Главное – добраться до берега как можно быстрее.

Множество рук вытянули Дениса на бетонный пирс набережной и укутали в сухое покрывало. Над девчонкой склонились врачи, скрыв её от глаз. Тут же, на берегу, развернули полевую реанимацию. Денис топтался поодаль, хлюпая мокрыми кроссовками и коченея от холодного ветра. Но уходить не собирался: ждал дальнейших событий.

Сегодня ведь четвёртое апреля, и что-то должно произойти. А может, уже произошло. Только вот плохое или хорошее, до сих пор оставалось неясным.

Четвёртое апреля только начиналось.

2. Номер два. Вика

Воскресенье, 4-е апреля, 06:45

Ну вот. Опять Тимошину придётся объясняться перед отцом из-за ссадин на руке, опухшего глаза и синяков. Хотя о том, где сын пропадает каждую неделю в ночь с субботы на воскресенье, Павел Иннокентьевич перестал спрашивать месяца три назад (смирился). А вот Денискины «боевые травмы» не дают ему покоя до сих пор.

Чтобы как-то успокаивать отца, приходилось каждый раз выдумывать: то Денис поскользнулся на ступенях у подъезда, то ему пальцы дверью автобуса прищемило, то свалился на физкультуре или на волейболе. Запас объяснений постоянно пополнялся всё новыми душещипательными историями. Павел Иннокентьевич, вероятно, корил себя, что вырастил на редкость неуклюжего сына.

В придачу Денис с тренировок возвращался в таком виде, будто барахтался в яме на полигоне мусорных отходов: встрёпанные чёрные волосы покрыты слоем пыли, лицо измазано, как у киношного Рэмбо, джинсы и куртка заляпаны маслянистыми пятнами и землёй, а футболка мокрая от пота, хоть выжимай. Хорошо, что его умопомрачительный облик по утрам лицезрели лишь сонные дворники.

Вика проводила взглядом отъезжающий автобус, воткнула наушник в ухо и направилась в сторону дома. Любимая рок-группа пела о свободе, но на сей раз не вызвала в душе отклика. На Вику давили равнодушно-презрительные взгляды прохожих: вид у неё был далёк от общепринятого. Хоть на дворе и стоял апрель, пришлось нацепить на себя выдавший виды толстый свитер и потрёпанную долгой жизнью шапку. Вытянутые на коленках джинсы тоже не придавали Вике ухоженный вид. И чёрт с ними! Нет, не с джинсами. С прохожими.

Она ненавидела прохожих – полупрозрачные безликие фигуры. Да и вообще всех людей вокруг. Вика отлично знала: толпа не любит одиночек. Толпа в своём большинстве признает людей, подражающих друг другу. Даже те, кто якобы отличается от толпы, делают это группами, сектами, клубами по интересам. Иначе нельзя. Если ты дружишь со всеми и не делишь людей на категории, тебя называют лицемером, ну а если не дружишь ни с кем – сумасшедшим.

Вика поправила рюкзак на плече. Поскорей бы укрыться дома, в своей уютной маленькой комнате. Подумать, почитать, порыться в интернете, поглазеть в окно, сидя в шерстяных носках на широком подоконнике. Ещё бы кот... но кота у Вики не было. Вместо него имелся единственный друг Денис. И если бы котом был он, то непременно сплошного чёрного окраса, с надменными бледно-голубыми глазами, грациозный и беспечный.

Зайдя в тускло освещённый подъезд, Вика не стала вызывать лифт и, громко топая, поднялась до пятого этажа. Остановилась около двери, но не звонила – с минуту стояла, пытаясь изобразить на лице непринуждённую улыбку. Родители Вики были уверены, что она ночевала у подруги Кристины. Знали бы они, где их дочь пропадала на самом деле...

Звонок тревожной глухой трелью загудел внутри квартиры. Через минуту в замке повернулся ключ.

Вика приготовила улыбку.

– Привет, мам.

Беспокойный взгляд мамы скользнул по лицу дочери, потом – по свитеру, по джинсам, по рукам, по кедам.

– Всё в порядке? Что-то ты рано, семь утра только.

– Да нормально. – Такой ответ показался Вике убедительным и вполне содержательным. Врать не хотелось, поэтому она предпочла свести разговор к минимуму.

– Как дела у Кристины? – поинтересовалась мама, проходя на кухню. – Кофе будешь?

– Нет, мам, – поспешила ответить Вика. – Я только воды хлебну. Хотела ещё вздремнуть. Выходной ведь, а то завтра опять на эту каторгу.

– Ты про школу, дорогая? – усмехнулась мама.

– А про что ж ещё? Про неё, родимую.

Со стаканом воды Вика прошла в комнату, плотно закрыла за собой дверь и с облегчением уселась на кровать. Каждый раз, когда она возвращалась «от подруги» утром в воскресенье, мама лишних вопросов не задавала. Никогда, ни разу. Так, стандартное: «Как дела у Кристины?». И не ждала ответа. Наверняка радовалась, что нелюдима дочь общается хоть с кем-то.

Тактика воспитания Викиной мамы кратко звучала бы так: «Забота проявляется не только в чрезмерном контроле, но и в доверии и уважении». Она была уверена: дочь сама расскажет о своей жизни всё, что сочтёт нужным.

Вика ценила это. Не показывала и не благодарила, но ценила. Для неё это означало, что мама доверяет ей, её решениям, её выбору. Можно сказать, Вика была счастливым подростком. Её уважали. И если бы она могла поделиться секретами, то только со своей мамой, но, увы, секрет у неё был один, и тот принадлежал не ей, а Денису.

Так что Вика молчала, как партизан.

Она стянула свитер и джинсы и залезла под холодное одеяло. Усталость расплзлась по рукам и ногам. Перед глазами стояли рыжие кирпичи облупившихся стен заброшенного клуба, который они с Денисом использовали для его еженедельных тренировок в ночь с субботы на воскресенье. Вот уже полгода.

Каждую их такую встречу Вика помнила наизусть. То Тимошин, как заведённый, колотил по груше, которую они вместе соорудили из мешка с песком и подвесили на крюк. То он преодолевал полосу препятствий, напоминая спятившего паркурщика, – перекладины, заборы, крыши, парапеты, лестницы. И раз за разом брал их на абордаж всё лучше. Тимошин даже договорился со школьным охранником, чтобы тот за умеренную плату пускал их в бассейн, где Денис плавал от одного края к другому, пока совсем не выбивался из сил.

Они подготовились основательно. Начитались в интернете статей, просмотрели кучу видеороликов. Если бы кто узнал, чем Денис занимается, то подумал, что парень повёрнут на спорте, мечтает пополнить ряды спецназа, пересмотрел боевиков или просто свихнулся. Но дело было совсем в другом.

Ровно два года назад, как раз четвёртого апреля, Дениса возле школы остановил незнакомец. Для начала обозвал его странным словом «нумерат», потом сказал, что Денис выбран в команду так называемого четвёртого легиона. Правда, пока лишь предварительно, так как «координаторы» уверены в трёх его параметрах из четырёх необходимых.

Кто это – координаторы, что за легион, что за нумерат и какие параметры имелись в виду, Денис, конечно, не понял. Известно ему было одно: через два года к нему придут снова, в тот же день. Придут для того, чтобы проверить, соответствует ли он четвёртому параметру. И тогда окончательно всё решится.

Незнакомец не счёл обязательным объяснять растерянному Денису ничего из того, что сообщил. Но попросил (а лучше сказать – потребовал) подтянуть физическую форму, особенно советовал обратить внимание на плавание и какую-нибудь командную игру, вроде волейбола.

«Эти знания и навыки пригодятся будущему нумерату а вы практически избраны», – так он сказал напоследок.

Денис долго молчал, но, когда до указанной даты встречи с незнакомцем осталось полгода, всё же признался Вике. Было это ещё осенью, кажется, в октябре. Пришёл мрачный, обеспокоенный и какой-то... хм... странный. С порога объявил, что ему нужна помощь, что решил рассказать кое о чём только ей, Вике, потому что уверен: она его не засмеёт. В этом

Тимошин, конечно, ошибся. Вика подняла его на смех сразу же, как только он закончил свой рассказ.

Что за ересь? Спецотряд какой-то придумали, параметры Дениске приписали. Какие такие параметры? Ну да, славится он математическим складом ума и некоторой душевной чёрствостью, а лучше сказать – эгоизмом. Для него всё живое – лишь сгустки цифр и атомов, поведение которых можно легко предсказать с помощью формул и аксиом.

В остальном – обычный парень.

Вика не могла думать о нём, как о супергерое. Супергерои поголовно справедливы, добры, отзывчивы, а этот? А этот был её другом с детства, и она знала его как облупленного: все его проблемы, ошибки, тайные мечты, недостатки. Особенно – недостатки, коих хватило бы на двоих. Чего только стоят его излишняя самонадеянность, старательное соответствие амплу волка-одиночки, ослиное упрямство, нездоровый интерес к цифрам и задачкам (что в них прекрасного?), привычка никогда не здороваться, вытирать грязные руки о штаны и вечно толкать в желудок всякую ерунду, вроде чипсов, сосисок в тесте и жирных гамбургеров.

Вика считала, что во всём виноват холостяцкий образ жизни отца Дениса и его постоянные командировки. Бывают папины дочки, бывают мамины сынки, а бывает Денис Тимошин – ни рыба, ни мясо, а какой-то кальмар, выросший сам по себе.

Душой компании Денис тоже никогда не считался, хотя девчонки у него, конечно, были. Пару раз Вика видела, как он целуется с кем-то в парке, тайно радовалась за него, но проходила неделя, и Тимошин прощался с очередной принцессой в угоду собственному эгоистичному, и такому надёжному, одиночеству.

Суровый вид Дениса девчонок не отпугивал, а даже наоборот, привлекал, ведь они от умных и немногословных парней приходят в восторг, поэтому липнут к ним с удвоенным рвением. Но Вика знала наверняка: никто холодное сердце её друга-математика так и не покорил.

Возможно, его нежелание открываться людям было связано с одной «грандиозной» проблемой. Бедняга Тимошин тщательно скрывал, что носит контактные линзы, так как страдает близорукостью в пару минусов ещё с восьмого класса.

Странно, ему ли стесняться?

Поджарый темноволосый красавец с быстрыми движениями и цепким взглядом, от которого не укроется ни одна, даже самая мелкая, деталь. Его бледно-голубые глаза в обрамлении длинных ресниц не оставляли равнодушной ни одну девчонку, кроме Вики, конечно. Она же всегда наблюдала во взгляде друга лишь таблицу сложных математических процессов.

Да уж, Вика могла бы перечислять его недостатки вечно, но был у Дениса один изъян, который просто выводил её из себя. Он стоил всех его минусов, вместе взятых.

Канарейка... У него жила канарейка по кличке Пугало. Обожать безмозглую птичку размером со спичечный коробок – Вика считала это верхом неуважения к собственной личности, самым непростительным и чудовищным недостатком. Неужели нельзя завести собаку или кошку? Но Денис выбрал канарейку. Маленькую такую, жёлтую, с бессмысленным взглядом. Неужели он ведёт с ней беседы и изливает по ночам душу? Фу.

Ну и какой из него герой? Да никакой. Однако друг из него вышел надёжный. Для такой непопулярной личности, как Вика, этот плюс стал самым важным из всех, что имелись у Дениса.

Сегодня четвёртое апреля, ровно два года прошло со встречи её друга с тем незнакомцем, и Вика надеялась: ничего не случится, конечно, ничего не случится... Хотя себя не обманешь. Она не на шутку беспокоилась и ждала, чтобы это воскресенье поскорей закончилось.

Четвёртое апреля. Две четвёрки подряд. Вика раз за разом убеждалась: цифры она всё же недолюбливает. И они её – тоже.

3. Номер три. Асель

Воскресенье, 4-е апреля, 07:00

Сегодня Асель, как никогда, хотела жить. Прийти на мост было не её решением. Нет, не её. Любимое жёлтое платье словно впитало солнце, слепило глаза яркими волнами, напоминая, что в мире существует не только горе, но и радость.

«Каждые сорок секунд один из жителей Земли умирает, заканчивая жизнь самоубийством. Ты тоже должна. Должна, должна, должна», – настаивал внутренний голос, больше похожий на замогильный шёпот.

Прошло уже тридцать секунд. Тридцать одна, тридцать две, тридцать три...

Даже перед смертью Асель боялась признаться самой себе: кажется, она сошла с ума. Слышать шёпот в голове – это ненормально.

Тридцать четыре, тридцать пять...

Мост гудел, жадно проглатывая ветер стальными толстыми прутьями. Окаменевшие пальцы впились в холодную перекладину за спиной. Под ногами хрустнул песок, солью посыпался в бурлящую реку.

Тридцать шесть, тридцать семь...

Какая мысль будет последней? Никакая. Голова пуста, будто вынули мозг, оставив лишь: «Должна, должна, должна». И глухая боль в груди. Ветер нещадно треплет волосы, словно желая оттянуть Асель назад, подальше от края моста.

Тридцать восемь...

Почему она это делает? Почему она выбрала мост? Почему сегодня? Глупые мысли, глупые. Совсем не те, какие должны быть в такую минуту. Ей бы думать о сестре, которая останется одна. И о матери.

Тридцать девять...

Мама, я всегда буду любить тебя. Мама... Мамочка, прости. Ведь я не хочу, совсем не хочу умирать. Я просто должна. Это – не моё решение.

Сорок. Сорок секунд. Вот и всё.

– Эй! – Порыв ветра донёс чей-то срывающийся голос. – Эй! Не смей прыгать!

Асель не хотела, чтобы кто-то видел, как она умирает, но теперь уже всё равно. Так, случайный свидетель. Он её не спасёт.

Шаг. Полёт. Удар.

4. Номер четыре. Арсений

Воскресенье, 4-е апреля, 12:00

– Сенья, дорогой, не глупи, – шептал Арсений сам себе, поглаживая ёжик светлых волос на затылке. – Пригласи её в кино, что ли... Или в клуб. Да, лучше в клуб. Кино – для простачков. – Он тщательно прокашлялся, нацепил на лицо коронную ухмылку, которая сводила девчонок с ума, а потом томно-хрипловатым глубоким голосом спросил: – Наташа, ты музыку любишь? Я... – сделал паузу, изображая нерешительность и страх быть отвергнутым, будто с королевой красоты разговаривает, – я хотел пригласить тебя в «Барракуду». Пойдём, а?

Прошло как по маслу. Наташка Егорова была далеко не простушкой, но повелась на его отработанную паузу нерешительности, восхищённый взгляд, нервное потирание шеи за воротом рубашки и, конечно же, фирменный парфюм. Безотказное сочетание. Есть контакт! По крайней мере, на сегодняшний скучный воскресный вечер у Арсения была пара – симпатичная восьмиклассница.

И чёрт с ней, со школой. Завтра придёт на часик попозже. Первым уроком значилась литература, а что ему литература? Да и все остальные предметы. Он капитан сборной школы по волейболу, спортсмен, так что ему все двери открыты. И все без исключения женские сердца. Хм, неплохо, в его неполные пятнадцать.

Арсений улыбнулся сытым котом.

– Ну что, тогда до вечера? – спросил он. – В восемь подойду.

Наташка скромно опустила глаза. Это означало благосклонное «Да». Арсений кивнул и, расслабленно вышагивая, направился в сторону ближайшего торгового центра. Надо бы заглянуть в компьютерный магазин, присмотреть ноутбук, давно поменять хотел. Старый греется и виснет.

Единственное, что интересовало Арсения кроме девчонок и волейбола, – это компьютеры. Было в них что-то волшебное. Он с удовольствием засыпал под шум любимого ноутбука, менял друзьям видеокарты, материнки и другие «железяки», ставил пиратские программы и даже пытался создать свои, ломал пароли и странички в социальных сетях. Занесло его даже в начинающую хакерскую группу, которая успела лихо покурлесить в сети.

Одним словом, компьютеры – его отдушина. Его электронно-душевный мир. Там он – король, не меньше.

Скептически и со знанием дела просмотрев предлагаемые в магазине ноутбуки, Арсений вышел из торгового центра и направился домой. Бабуля наверняка наварила кастрюлю супа, а есть нестерпимо хотелось.

О родителях он старался не вспоминать. Развелись, поразъехались жизнь устраивать, а его к бабушке сплывили, в маленький подмосковный городишко, как котика ненужного. Отыгрывался Арсений на местных девчонках: охмурял даже самых неприступных, гулял пару дней и благополучно бросал. Бросал равнодушно, безжалостно, цинично. Так же, как бросили его.

Бабуля в его жизнь не лезла – знала, что бесполезно, только нервы портить. Поэтому все свободные от школы часы Арсений был предоставлен сам себе. Чем убить время, он находил без особого труда, но порой щемило внутри от собственной никому ненужности. Возможно, кто-то назвал бы его счастливым, свободным человеком, но такая свобода Арсения тяготила. Она пахла одиночеством, от которого выть хочется.

И хоть бы кто поинтересовался, какие у него сегодня планы, как прошёл вчерашний день, с каким счётом выиграли очередной волейбольный матч. Хотя бы просто спросили... Приходить и смотреть на его игру Арсений никого не заставлял.

Ворохом прибежали девчонки (даже те, которых он уже успел бросить), восхищённо пялились, как он берет очередную кручёную подачу, но такое внимание вызывало лишь раздражение. Популярность – вещь слишком недолговечная, фальшивая. Не хватало в жизни Арсения чего-то настоящего и длительного. Того, на что бы откликалась душа. Разве что бабуля и её суп.

Уныло вздохнув, он уселся на скамейку под обвисшей берёзой около входа в центральный парк.

– Эй! Ты сел на мою книгу, – прозудел кто-то справа, противно так, раздражающе. – Эй, ты! На книгу сел, говорю. Подними свою... пятую точку. Ну!

Арсений уронил снисходительный взгляд на существо справа. Им оказалась девчонка лет четырнадцати, может, даже младше. В серой вязаной шапке с помпоном, дурацкой кофте, потёртых не по моде, а от старости, джинсах и затасканных кедах.

Существо обиженно раздуло ноздри и вытаращилось так же, как пялятся разъярённые хомячки.

За последнюю пару лет Арсений научился чётко и безошибочно оценивать девчонок. Эта, к примеру, – беспросветная серая мышь. Такая серая, что хотелось плакать. Жиденькие неухоженные волосы, поношенная одежда, колючий недоверчивый взгляд исподлобья. Типичный социальный отшельник, изгой, привыкший оправдываться за одно своё существование. Унылый и злобный зверёныш.

С такими Арсений, как правило, не церемонился: статус обязывал.

– Чё? – рыкнул он.

Существо поправило нелепую шапку (явно нервничало!), вытащило наушник из уха, встало со скамейки и вплотную подошло к Арсению, заглядывая прямо в глаза.

– Задницу подними. Не ясно выразилась, что ли?

Он аж опешил. А серая мышь-то с характером. Языкастая в придачу.

На сцену вышел джентльмен Арсений. Густо покраснел (этот навык он тренировал дольше всего), привстал, схватив тонкую книжку со скамейки, и подал существу в руки.

Девчонка одарила Арсения красноречивым взглядом, означающим что-то типа «Как ты вообще таким идиотом живёшь?», а потом преспокойно плюхнулась на соседнюю скамейку и принялась шуршать страницами, изображая увлечённое чтение. Но Арсения не обманешь. Существо явно косилось в его сторону, любопытствовало. Даже серые мыши знают толк в классных парнях.

Сам собой возник нестерпимый азарт, голод куда-то пропал. Арсений поправил воротник кожаной куртки и пригладил волосы – модная стрижка подвести не должна. Смахнув с джинсов несуществующую пыль, он двинулся в атаку.

Предвидя намерения незнакомого парня, существо вцепилось в книжку, как в единственное спасение.

– А ты что читаешь? – Арсений решил, что вопрос должен вызвать у серой мыши неподдельное желание поделиться своими литературными предпочтениями. Их же хлебом не корми, дай о книжках потрепаться.

– Курс самообороны, восточные единоборства, – выдало существо, не поднимая глаз, но Арсению показалось, что на него укоризненно уставилась шапка, вылупив глаз-помпон.

– Курс самообороны? Ого! – Арсений искренне заинтересовался.

Вот, значит, что изучают серые мыши в свободное время – курс самообороны.

– И что это? Джиу-джитсу? Кунг-фу? Тайский бокс? – осклабился он.

– Кэндо, – без капли пафоса ответило существо.

– Кэндо? Это что?

– Искусство фехтования. – Девчонка, наконец, подняла на собеседника глаза: серо-зелёные, пронизательные, решительные. – «Кэн» переводится как «меч», а «До» – это путь.

– На мечях драться собралась?

– Не обязательно. Мечом может быть любое оружие, хоть палка обычная. Понятие меча призвано укрепить дух человека, а сам человек, владеющий мечом, подчиняется законам тела и сердца. – Закончив фразу, девчонка скривила такую мину, будто забылась и случайно обсудила с лесным пнём классическую литературу.

Арсений присел рядышком, предвкушая интересенькое. Девчонка-то не так проста, как кажется.

Серая мышь отодвинулась на край скамьи и грозно выдала:

– Это не для меня, это для друга. Он занимается боевыми искусствами. – Она сделала многозначительную паузу и с расстановкой добавила: – В спецназ собирается.

Пыл Арсения приутих мгновенно. Какой ещё спецназ? Но он тут же расслабился. Наверняка девчонка сочиняет, чтобы хоть как-то придать значимость своей непопулярной персоне.

– А вот, кстати, и он. – Существо приветственно махнуло кому-то ладошкой.

Арсений перевёл взгляд на приближающегося парня. Хо-хо, вот это да! Денис Тимошин! Ходячая легенда. Крутой математик и подающий надежды спортсмен, ходит на тренировки по волейболу вместе с Арсением вот уже полгода. Правда, в последнее время он нервный и нелюдимый какой-то, но от этого не перестал быть легендой.

– Ты что, подружка Тимошина? – вздёрнул брови Арсений, совершенно по-другому посмотрев на существо. Теперь в его глазах оно превратилось в загадочную девушку, совсем не похожую на всех остальных его пассий.

Девчонка не ответила, так как к скамейке, заметно прихрамывая на левую ногу, подошёл Тимошин.

– Ты чего здесь забыл? – опуская приветствие, пробурчал он и подозрительно уставился на Арсения: недобрая слава ловеласа Макарова известна Денису давным-давно.

– А ты не говорил мне о подружке, – подхватил его недружелюбный тон Арсений. – Она, оказывается, у тебя каратистка.

– А если и так, то что?

– Да нет, ничего. А ты боевыми искусствами занимаешься?

Тимошин напрягся. Но Арсению хватило и одного взгляда, чтобы понять: занимается. Кулаки залеплены пластырем, на носу царапина, походка пружинистая, как у боксёра. Да ещё и хромает сегодня.

– А можно с тобой? Тебе же нужен противник? Или ты с ней дерёшься? – Арсений указал взглядом на девчонку в несуразной шапке.

– Я подумаю, – буркнул Тимошин, давая понять, что разговор окончен.

Арсений был не из пугливых. Он Тимошина не боялся, хоть и был на год помладше. Скорее, восхищался им.

– А тебя как зовут? – поинтересовался он у Денисовой подружки, которая уже закрыла книгу и усердно запихивала её в выдавший виды рюкзак. – Я Арсений. Будем знакомы.

Девчонка смирила его брезгливым взглядом и встала со скамьи.

– Лучше молчать и показаться дураком, чем заговорить и развеять все сомнения, – отчеканила она.

– Чего? – оторопел Арсений.

– Марк Твен.

Схватив под руку Тимошина, девчонка степенно двинулась прочь.

Арсений в растерянности взъерошил волосы на затылке.

«А потом они обижаются, что их называют серыми мышами. Сами ведь виноваты, – уныло подумал он, провожая странную девчонку глазами. – И чем ей Марк Твен не угодил?»

5. Колесо завертелось

Воскресенье, 4-е апреля, 12:30

Разговор не заладился с первых минут. Вика смотрела на Дениса, как на человека, который нуждается в психоанализе и немедленной госпитализации в лечебницу для душевнобольных.

– Дэн, ты спятил, да? Чокнулся? Кидаться с моста! Да ты... ты... – Вика смолкла, так и не подобрав нужного слова. Зато активно покрутила пальцем у виска.

Денис уже пожалел, что рассказал ей о случившемся.

– Со мной же всё в порядке, в по-ряд-ке...

– Я вижу. – Вика скосила взгляд на его левую ногу. – А хромота у тебя врождённая?

– Ну, ударился немного.

– То, что ты ударился, я знаю. Головой ударился. Ещё в детстве. А что с ногой?

Денис решил опустить подробности своего неудачного прыжка. Хотя в целом прыжок-то получился удачным, а вот левой ногой не повезло напороться на подводный камень. Врачи скорой помощи обработали саднящий ушиб и наложили повязку, так что пара дней – и травмы как не бывало.

– Прохожий вызвал скорую, девчонка была без сознания, – сменил тему Денис.

– Ага, у неё-то, наверное, ни одной царапины. Это доморощенным героям-математикам обычно не везёт... Ну, и кто она такая?

– Не знаю. Документов при ней не оказалось. Врачи сказали, что она примерно моего возраста. Видно, что-то у неё серьёзное случилось, раз она... – Денис замолчал.

– ...решилась на самоубийство? – мрачно закончила за него Вика. – Из-за неё ты сам чуть не стал самоубийцей. А ты не думал, что нельзя лезть в чужие дела?

– Даже когда человек пытается умереть?

– Особенно в этот момент! Это ведь личное дело каждого!

– Вик, как можно настолько ненавидеть человечество? – покачал головой Денис. – Ведь она осталась жива, я вытащил её из реки.

– Ага, как только она очнётся, то обязательно поблагодарит тебя за проявленный героизм. И идиотизм. Умудрился ещё и сумку в автобусе оставить. Балбес!

Вика была в бешенстве. А когда она была в бешенстве, её раздрало на колкости и обвинения в адрес окружающих, особенно друзей, точнее, одного друга. Другом у неё значился лишь Денис, а у него на Викины колкости за долгие годы выработался стойкий иммунитет.

– И что ты дальше намерен делать? – спросила подруга, заметно успокоившись.

Денис дёрнул плечом.

– Не знаю. Может, это как раз и была та самая проверка? Сегодня же четвёртое апреля.

Вика с шумом выдохнула и умоляюще взглянула на небо.

– Четвёртое апреля, четвёртое апреля... Ты не дашь об этом забыть, верно? А может, ты просто наткнулся на девчонку, которая решила, что жить ей с сегодняшнего дня необязательно? И апрель тут ни при чём?

– Я хочу её навестить. Сегодня, – сказал Денис твёрдо.

– Сегодня? – Вика поморщилась, очки дёрнулись и скатились на кончик носа. – Перенеси на завтра, а?

– Но я не хочу ждать, а вдруг её переведут в другое отделение или отпустят домой? Хотелось бы с ней перед этим поговорить. Нет, я ждать не буду. Я вообще ждать не сильно люблю.

– В курсе, – бросила Вика, привычным движением водружая массивные очки на прежнее место.

За разговором они и не заметили, как добрались до пустынного и от того мрачного парка развлечений «Magic» – туда, где расположились колесо обозрения и другие аттракционы. Парк не работал. Запылившиеся одинокие паровозики, летающие тарелки, немыслимого вида качели стояли на консервации – ждали тепла и солнца, чтобы вновь принимать людей, желающих временно забыть повседневные хлопоты.

– Странно, – заметила Вика. – Я думала, колесо ещё не работает.

– А оно и не работает, – отозвался Денис.

– Тогда вон тот мужик чего там делает? – Вика указала пальцем на человека в чёрном пальто и шляпе, сидящего в кабинке аттракциона на самом верху.

Колесо не двигалось, но мужчину это не особо волновало. Он смотрел вдаль, на город, и не обращал внимания на озадаченных подростков, паливших на него снизу.

– Может, тоже самоубийца? – предположила Вика не без иронии. – Везёт тебе сегодня на них. Спасать-то полезешь? – ехидно добавила она.

Денис уселся на ближайшую скамью и ответил как можно небрежней:

– Пусть там торчит. Мне до него дела нет.

– Ага, тебе девчонок подавай, да? – усмехнулась Вика, присаживаясь рядом и пристраивая любимый рюкзак на коленях.

Она не сводила с незнакомца глаз. Денис тоже им заинтересовался.

Было в этом человеке что-то необычное, кроме того, что он как-то попал на самый верх неработающего колеса обозрения. Денис подумал о том, что уже давненько не встречались ему люди в шляпах, похожих на те, что носил его семидесятилетний дед. Возможно, незнакомец тоже немолод.

– Я всё хотела спросить, – прервала раздумья Дениса Вика, – если сегодня ничего не случится, что делать будем? Что с тренировками?

Денис перевёл взгляд с далёкого незнакомца на подругу.

– Не знаю. Я уже привык к ним, если честно.

– Ты скоро ведь уезжаешь, зачем тебе тренировки? – уткнув глаза в землю, спросила Вика.

– А я на каникулы приезжать буду, не хандри. – Денис растянул губы в беззаботной улыбке и щёлкнул пальцем по торчащему помпону на шапке подруги.

– Ага, на каникулы... – совсем помрачнела та. – Только попади в большой город – тебя обратно к нам и калачом не заманишь. Знаем мы таких.

Денис открыл было рот, чтобы опровергнуть сомнения Вики, но, увидев приближающегося к их скамье мужчину в чёрном пальто и шляпе, нахмурился, не доверяя собственным глазам.

– Он идёт к нам, идёт к нам... – зашептала Вика, дёргая Дениса за рукав. – Как он спустился? Колесо-то не двигалось.

Действительно, колесо обозрения не шелохнулось ни разу, Денис бы сразу заметил движение. Странно.

Мужчина тем временем остановился в паре шагов от их скамьи, придерживая рукой чёрную фетровую шляпу с широкими полями, элегантно изогнутыми с боков. Такие шляпы Денис видел в голливудских фильмах про гангстеров из Чикаго.

Ну а то, что он издали принял за пальто, оказалось двубортным плащом, больше похожим на шинель, обхваченную узким поясом. Плащ напоминал Денису уже совсем другие фильмы – про разведчиков и Великую Отечественную.

Станный образ незнакомца дополняли брюки с идеально проглаженными стрелками и до блеска начищенные ботинки на шнурках. Выглядел мужчина так, будто застрял где-то в середине двадцатого века, годах в пятидесятых или даже тридцатых.

Денис кожей почувствовал на себе его взгляд – изучающий и горячо заинтересованный, как у профессора-живодёра, проводящего опыты на беззащитных мышах.

– Доброго дня, молодые люди, – поздоровался незнакомец и уставился на ребят неопределённого цвета глазами – водянистыми, какими-то прозрачными.

Голос его зашелестел в ушах. Тихий, но в то же время отчётливый и поставленный, как у диктора.

– Здравсьте, – коротко ответил Денис, не вставая со скамьи.

Хотя совесть уже шевельнулась: надо бы подняться и вежливо поздороваться, ведь перед ним человек пожилой, лет семидесяти. Об этом свидетельствовали седоватые брови и чёлка, выглядывающая из-под шляпы, а также морщины вокруг рта и глаз.

Вика застыла, вцепившись в рюкзак, и молчала, явно пребывая в шоке по поводу колеса и его неподвижности. Она была существом приземлённым, не верящим в странные стечения обстоятельств. В голове подруга наверняка уже выстраивала теорию, объясняющую, как человек мог бы спуститься с неподвижного колеса обозрения, исключая вещи типа магии, паранормальных явлений и мистических чудес. Судя по устойчивому ступору, Вика забралась в мысленный тупик.

– Вас зовут Денис? Денис Тимошин? – спросил мужчина в гангстерской шляпе.

– А что? – отозвался Денис, придерживаясь максимально недружелюбного тона.

– Признаюсь, ваш прыжок с моста был великолепен, – продолжил незнакомец, причём без грамма восхищения в голосе. – В вашем поступке мы узрели соответствие четвёртому параметру. Теперь вы, Денис, наш нумерат.

– Так вы – тот самый? Тот, который... э-э-э... был там? – неуверенным голосом пропищала Вика.

– Там? – Мужчина снисходительно глянул на неё. – Лучше говорить «здесь», вы так не считаете? Но, думаю, разумнее оставить «там» и «здесь» в покое. Сложные пространственные понятия не в нашей с вами компетенции. – Он внимательно посмотрел на Дениса, изучая его лицо и одежду. – Теперь я ваш официальный связной. Меня зовут Пифагор.

Денис чуть не подавился.

– Пифагор? Это тот, который грек, что ли?

– Я бы не хотел распространяться о своём происхождении, – нахмурился мужчина. – Но я точно не грек... – Он на секунду задумался, но потом, придя к каким-то выводам, твёрдо выдал: – Нет, не грек.

– Пифагор вроде философом был, да? – всё тем же притихшим голосом уточнила Вика.

– Вообще-то, он математик, – заметил Денис. – Теорему Пифагора помнишь? Сумма квадратов катетов...

– Заткнись, Тимошин. – Вика тут же пришла в себя и скривилась так, словно ей на ногу наступили. – Не нужны мне твои катеты. И без них голова забита. – Она смерила мужчину подозрительным взглядом. – Кто вы такой?

К ней вернулся дар речи, и, судя по сдвинутым к переносице бровям, подруга к Пифагору отнеслась крайне скептически.

– Я ваш связной. Меня зовут Пифагор, – повторил мужчина.

Денис наконец отважился встать и подать руку необычному собеседнику.

– Мы немного... как бы вам сказать... – он замялся, подбирая слова, – в некотором недоумении, что ли... Очень странно вот так слышать от незнакомого человека, что он связной и его зовут Пифагор.

– Вы так считаете? – искренне удивился мужчина, крепко пожимая протянутую руку.

– Я уверен... – без какой-либо уверенности пробормотал Денис.

– Хм, в других городах никто не удивлялся, – пожал плечами Пифагор.

– В других городах?

Мужчина кивнул и спокойно продолжил:

– У меня весьма плотный график. Первого января, к примеру, я был в Шанхае, второго февраля – в Праге, а третьего марта – в Лондоне, шестого июня... э-э-э... нет, шестого июня я никуда не собирался...

Вика, не выдержав, вскочила со скамейки.

– Вы издеваетесь? – перебила она увлечённого рассказом Пифагора. – Что за шутки дурацкие? – Она сверкнула глазами на Дениса. – Пошли отсюда! Нечего вести беседы с выжившими из ума!

– Погодите-погодите, вам нельзя уходить, вы ещё не получили задание, – заволновался мужчина.

Он сдёрнул с головы шляпу и достал оттуда сложенный вчетверо лист, явно выдранный из тетради.

– Это ваше первое, пока лишь тренировочное, но уже живое уравнение, – сообщил Пифагор, водружая шляпу на место.

– Живое уравнение? – вскинул брови Денис.

– Да, вы должны решить его, чтобы укрепить равновесие. Ведь вы нумерат, как я уже сказал.

Денис почувствовал, что внутри закипает то ли злость, то ли гнев. Теперь и он желал лишь одного – оставить безумного старика наедине с его бредом. Денис даже допускал, что где-нибудь в дупле ближайшей берёзы притаился оператор с видеокамерой и скоро появится толпа, вопящая «Розыгрыш!», в сопровождении съёмочной группы какого-нибудь развлекательного телеканала.

– Извините, но нам пора, – бросил он и, схватив Вика за руку, поторопился прочь из парка.

– Вы спасли сегодня девушку! Она третья! – крикнул ему вдогонку мужчина.

Денис остановился, словно прирос к асфальтовой дорожке, и обернулся. Пифагор всё ещё стоял у скамьи и поглаживал уголок листа указательным пальцем. Только сейчас Денис заметил на правой руке мужчины чёрный перстень с круглым сквозным отверстием вместо камня.

– Что вы знаете о той девушке? – осведомился Денис, переводя взгляд с перстня Пифагора на его морщинистое лицо, спрятанное в тени широких полей шляпы.

Мужчина улыбнулся и двинулся в его сторону.

– Взгляните на запястье, – сказал он. – И вы увидите цифру.

– Пойдём... Дэн, ну! – Вика нетерпеливо дёрнула Дениса за рукав куртки.

– Да погоди ты. – Он оголил правую руку и уставился на неё, не в силах выдавить из себя ни слова: на запястье чернели чёткие контуры цифры «1» и знака «+». Их будто наколол татуировщик, потому что краска впиталась прямо в кожу, не сотрёшь.

– Вы – номер один, – сообщил Пифагор, подходя к растерянному Денису.

Вика перестала дёргать друга за рукав и тоже уставилась на его меченое запястье.

– Что за... – Денис еле сдержал на языке крепкое словцо. – Что за... шутки? Что это такое? Татуировка?!

Пифагор неопределённо качнул головой и спрятал сложенный лист в карман плаща-шинели.

– Это наша метка. Цифра означает роль в команде, а знак плюса – принадлежность к положительному направлению всеобщей оси координат, обозначающей равновесие.

Уверенность в том, что старик безумен, всё возрастала, но как тогда объяснить появление метки на руке? Её ведь не было сегодня утром. Денис в задумчивости потёр отметину на запястье.

– Что вам от меня надо? – спросил он, пытливо сощурившись.

– Мне? Лично мне ничего от вас не надо, юноша, – ответил Пифагор. – Надо другим. Тем, что занимаются равновесием. Координаторам. Моя же задача заключается лишь в том, чтобы приносить вам уравнения. Каждое из них вы должны будете решить, используя известные и неизвестные данные, а также свои параметры.

– Что за параметры? Что за уравнения? Кто такие координаторы? И зачем всё это надо? – на одном дыхании вывалил вопросы Денис. – Раз уж вы назвались связным, тогда выкладывайте, а не юлите, как...

– Погодите, нет необходимости в скверных словах в мой адрес, – выставил ладонь Пифагор. – Я всё объясню. Я связной и помогаю отбирать людей для борьбы за равновесие. Вы нумерат, то есть главный в легионе. Вас мы выбрали по четырём важнейшим параметрам. – Он принялся загибать худые узловатые пальцы один за другим. – Сила духа, сила тела и сила разума – первые три параметра. Ну, а четвёртый – это умение сочетать первые три параметра в действии. Согласитесь, совсем несложно. – Мужчина замолчал, но потом строго добавил: – И не нужно сквернословить, молодой человек.

– Я не сквернословил! – возмутился Денис.

– У вас на языке вертятся слова «сумасшедший», «идиот», «псих» и десятки других не менее грубых и, что самое главное, ошибочных определений в мой адрес. Я бы постеснялся на вашем месте.

– За что стесняться-то? Я же молчу... – Денис даже сам не заметил, как начал оправдываться.

На самом деле в его голове крутились куда более ёмкие эпитеты в адрес ненормального старика. Они бы не прошли его цензуру.

– Хотите сказать, что вы обнаружили все перечисленные параметры у моего друга? – с недоверием спросила у мужчины Вика, возвращая разговор в изначальное русло.

Тот поправил шляпу и с лёгкой улыбкой выдал:

– Всё верно, милая леди. По трём параметрам Денис Тимошин нам подходил, а вот в четвёртом мы сомневались, пока сегодня он не прыгнул с моста.

– Так это не вы подстроили, что ли? – удивился Денис.

Мужчина отрицательно покачал головой.

– Мы не заставляем людей убивать себя. Зачем нарушать природное равновесие намеренно? Ваша встреча с той девушкой на мосту привела вас к нам. В своём сегодняшнем поступке вы сумели соединить всё, что нам было нужно. Силу духа, к примеру. Ведь вы не испугались прыжка с большой высоты, хотя могли погибнуть.

– Это не сила духа, это сила отсутствия мозга, – не преминула высказаться Вика.

Мужчина уставился на неё, не совсем понимая смысла её колкой фразы.

– Не обращайтесь внимания, – посоветовал Денис. – На неё иногда находит желание выговориться в едкой манере. Продолжайте...

– Хорошо, – закивал старик. – Силой вашего тела мы тоже сегодня восхитились, ведь вы, молодой человек, довольно хорошо натренированы.

– Ага, знали бы вы, чего нам это стоило, – опять перебила его Вика.

– А также, – не обращая внимания на её реплику, продолжил Пифагор, – сегодня вы продемонстрировали силу разума. При прыжке вы чётко и быстро рассчитали траекторию полёта и точное место вхождения в воду, учитывая высоту моста, скорость собственного тела с поправкой на ускорение, вес и другие условия. Можно сказать, что вы молниеносно решили задачу по физике. Конечно, погрешности были, но всё же...

Вика толкнула Дениса плечом.

– Ты что, высчитывал, куда приземлишься, точнее, приводнишься?

– Ну-у может, совсем чуть-чуть... – сконфузился Денис. – Надо было знать, с какой силой оттолкнуться от перил моста, чтобы нырнуть там, где нужно.

Вика вытаращилась на него так, словно он признался, что по ночам превращается в вампира.

– Тимошин, да у тебя мозги набекрень, оказывается

– Вообще-то, математика приводит ум в порядок, – возразил Денис, понимая, что разглагольствует сейчас, как зарвавшийся ботан.

– Да что ты говоришь? – желчно выдавила Вика.

– Это не я говорю. Это Ломоносов так сказал.

По скорченной гримасе подруги Денис догадался: она готова его придушить прямо здесь и сейчас. Особенно за упоминание все фамилии Ломоносова.

– Ваш друг отлично подходит на роль нумерата, наша метка появилась на его руке первой, – продолжил объяснять Пифагор, внимательно наблюдая за Викой. – Я же в это время как раз наслаждался городским пейзажем с высоты, во-о-он там... – Он вытянул руку и указал на колесо обозрения.

– Как вы, кстати, слезли? Колесо ведь не двигалось, – наконец задала Вика вопрос, который не давал ей покоя, как минимум, уже минут пятнадцать.

– О, это должно остаться вне области ваших знаний о мире, – ответил Пифагор и, просяив, добавил: – Но это бы вас восхитило.

– Информативно, ничего не скажешь... – вздохнула Вика, не получив от старика внятного ответа.

– Хорошо, про параметры мы поняли, – сказал Денис. – А что за уравнения? Зачем они нужны?

– В мире всё стремится к равновесию, – с ангельским умиротворением на лице промолвил старик. – Сколько плюсов, столько и минусов, сложение равно вычитанию, умножение равно делению, сила действия равна силе противодействия, созидание равно разрушению, рождение равно смерти. Всё подчинено закону равновесия. Если вы что-то получили, отдайте взамен равноценное. В этом и есть гармония мира... – Он улыбнулся. – Чтобы равновесие не нарушалось, мы решаем уравнения. Когда мы видим, что грядёт перекося на оси координат, как на своеобразной чаше весов, и появляется что-то, что выводит мир из равновесия, мы реагируем и составляем уравнение с неизвестными, а затем отправляем наши лучшие команды решать это уравнение. Грубо говоря, спасти мир от перекося. Теперь понятно?

Денис насупился, пытаясь разобраться с навалившейся информацией. Обычно он умел мгновенно расставлять всё по полочкам, но сейчас его шкаф в голове был переполнен, и там творился полный бардак.

– А как решать эти уравнения? – не совсем доверяя собственному разуму, спросил Денис.

– Как только вы увидите уравнение, вы всё поймёте. И как его решать, определяют нумерат и его команда. Какие методы использовать – дело ваше.

– Что за команды такие?

– Мы называем их легионами. Всего существует двенадцать легионов. Двенадцать по всему миру. Вы, к примеру, принадлежите к четвёртому легиону, так как выбраны четвёртого апреля – то есть четвёртого числа четвёртого месяца. Последний легион выбран двенадцатого декабря. Улавливаете логику?

– Ясное дело, улавливаю, – хмыкнул Денис: чего тут не уловить-то?

– Ну так вот. В легионе по четыре человека, то есть по четыре цифры. Номер один, два, три и четыре. К выбору «номера один» подходят особенно тщательно. Первый легионер очень важен для координаторов. Он нумерат. Он сведущ не только в точных науках, но и объединяет весь легион для борьбы. Он вдохновитель и защитник.

– И вы сделали меня номером один? Зачем? – не скрывая скептицизма, спросил Денис: компанейским вдохновителем и защитником он себя уж точно не считал. Так и не дождавшись ответа, он задал другой вопрос: – А где искать остальных?

– Вы легко их отыщете. Члены каждой команды примерно одного возраста и встречаются друг друга в день избрания. Значит, вы уже видели их сегодня. Вам просто надо вспомнить.

– Вы шутите? Я видел сегодня кучу народа! Как я пойму, кто есть кто? Мне что, заворачивать им рукава, чтобы разглядеть метки?

Пифагор развёл руками.

– Это уже ваше дело, а не моё. Я только связной. Скажу лишь, что если вы не найдёте всех легионеров до конца сегодняшнего дня, то... м-м-м... вас ждёт обнуление. Ничего не поделывать, такие строгие у координаторов правила, уж простите. Иначе никакой мотивации у легионеров не будет. А обнуление – мотивация отличнейшая.

– Обнуление? Это ещё что такое?

– Обнуление числа легионера означает его смерть, – отчеканил Пифагор явно выученное наизусть правило, но потом, словно очнувшись, продолжил: – На вашей руке вместо цифры один появится ноль. Вы должны помнить, что обнуление – процесс безболезненный, бояться его не нужно. Но смерть в данном случае неизбежна.

– Вот чёрт... – выдохнул Денис, судорожно сглотнув. – А могу я отказаться? Ну... от всего этого вашего уравнильства и обнульства?

Пифагор мягко улыбнулся, но ответ его был жёстким и неотвратимым, как топор, летящий в голову:

– Нет, юноша, отказаться вы не можете. Вы уже выбраны, теперь равновесие – ваша работа на всю оставшуюся жизнь. Либо выполняйте задания, либо обнуление последует мгновенно, и глазом моргнуть не успеете. Ведь обнулением занимаюсь я. – Он потёр чёрный перстень на указательном пальце. – Какая ваша любимая цифра, кстати? – вдруг поинтересовался он, сменив тон с угрожающего на беззаботный и доброжелательный.

Денис даже растерялся. Он, если честно, до сих пор пребывал в странном состоянии после того, как услышал слово «смерть». Ну не могут люди вот так просто подходить к тебе в парке и говорить в лоб это слово, ведь двадцать первый век на дворе! Смерть бывает где-то там – в телевизоре, интернете или компьютерной игре.

– Что, простите? – очнулся он.

– Ваша любимая цифра, – терпеливо напомнил Пифагор. – Какая ваша любимая цифра?

– Я не знаю... У меня нет любимых цифр. Ну, может, три... Не знаю я, говорю же. – Денис всё ещё находился в ступоре: слова «смерть» и «обнуление» болтались в голове, отскакивая от стенок черепа, и угнетали мозг.

– А вот мой любимый цифровой знак – ноль, – изрёк старик, продолжая гладить перстень на руке (теперь-то Денис понял, что на его украшении – не просто отверстие, а знак нуля). – Как можно не любить ноль? На мой взгляд, это самый загадочный и определяющий знак. Только вдумайтесь! Ноль. Отсутствие величины. Нейтральный элемент. Nullus, Líng, Zero... Замкнутый круг. Неопределённый предел. Ноль разделяет положительные и отрицательные числа на оси. Ноль – отсутствие чего бы то ни было, пустота, ничто. Ничто, так сильно влияющее на нашу жизнь. Нет цифры совершенней!

Денис с каменным лицом слушал старика, а того распирало всё больше. Любовь к нулю не на шутку его вдохновляла и даже преображала внешне. Жилы на черепашной шее Пифагора вздулись от жаркой речи, сероватая кожа на лице покрылась мелкой россыпью пота, пальцы рук подрагивали, водянистые глаза плотоядно заблестели. Денису показалось, что даже поля чёрной гангстерской шляпы изогнулись в зловещем оскале.

В разговор вступила Вика, долгое время хранившая молчание.

– Послушайте, уважаемый... э-э-э... Пифагор, – с расстановкой, намеренно не спеша, начала она. – Если всё, что вы нам тут наговорили, правда, то почему вы в свои тайны посвящаете и меня? Не боитесь, что я пойду и растрезвоню про делишки вашей секты прохожим,

родителям, журналистам, полиции и санитарам психбольницы? Меня-то вы своим обнулением не запугаете.

– Если бы вы не являлись легионером, то я бы переговорил с Денисом один на один, – спокойно ответил старик.

– Легионером?! – хором воскликнули Денис и Вика.

Трясущими пальцами Вика оттянула рукав свитера и мгновенно побледнела. Потом сунула запястье под нос Денису и зашептала:

– Тимошин... забери меня отсюда, я не хочу тут находиться. Убери его, убери его...

Что конкретно убрать, она не сказала, да Денис и не спрашивал. Он пялился на тонюсенькое запястье подружки и соображал, что делать дальше. За себя он особо не волновался, но вот Вика... Её бы не хотелось впутывать в странные дела сумасшедших любителей чисел. А на её бледной, испещрённой голубоватыми венками коже выделялись цифра «2» и знак «+». Чёткие, точно выведенные чернильным пером.

– Неужели я не сказал вам, милая леди, что вы – номер два? – удивился Пифагор.

– Я не милая леди! И не номер два! – заорала Вика так, что проходящая метрах в пятидесяти от них женщина испуганно оглянулась.

Пифагор пожал плечами. Взгляд его красноречиво говорил что-то вроде: «Смирись, это твоя участь». Морщинистая физиономия старика помолодела и разгладилась. Он выглядел умиротворённым, даже счастливым. Денис бы не удивился, если б Пифагор сейчас замурлыкал по-кошачьи.

– Какая погода... – молвил он, блаженно прикрывая глаза и вдыхая носом прогретый весенним солнцем воздух. – Люблю весну. Весной всегда происходят чудные вещи. Апрель, апрель... – Старик посмотрел на ручные часы, циферблат которых был совершенно пуст: ни стрелок, ни цифр. – Кстати, уже час дня. Посоветовал бы вам поспешить, ведь четвёртое апреля перевалило за середину, а вам ещё остальных легионеров искать... Иначе обнуление...

– Да пошли вы знаете куда со своим обнулением! – выпалила Вика со злостью и отчаянием.

– Куда? – заинтересовался старик, явно не догадываясь, в каком направлении его только что послали.

– Никуда, – процедила сквозь зубы Вика. – Объясните толком, зачем вы меня впутали? Великий математик Денис Тимошин пусть решает ваши задачки, но я-то вам на кой чёрт сдалась? Неужели при всей вашей проницательности, вы не заметили, что к цифрам я равнодушна?

– Ну и что? – пожал плечами Пифагор. – Во-первых, мы не так строги к отбору остальных членов команды, как к выбору первого легионера. Во-вторых, вы подходите нам по другим параметрам. В вас мы узрели иную силу: умение анализировать и обобщать, подвергать очевидное сомнению и опираться только на факты. Вы прозорливы, дальновидны, умны. Вы одиноки, поэтому много времени проводите за чтением, а литература учит разбираться в людях и в мире. Вдобавок вы не оглядываетесь на мнение большинства, имея при себе мысли по поводу любого события. Правила для вас – ничто.

Вика умолкла. Такое количество комплиментов в свой адрес она, наверное, не слышала никогда.

Денис тоже молчал, пытаясь привести мысли в порядок. А мысли роились в голове: либо он чего-то не понял, либо в данный момент спит и скоро проснётся, либо кто-то зло подшутил над ним, либо... всё это правда. Интуиция подсказывала, что последний вариант – наиболее верный, хоть и невероятный.

– Как только мы найдём оставшихся двух легионеров, что нам делать дальше? – спросил Денис, нахмурившись.

– Решать уравнение. Ах да, оно же всё ещё у меня. – Старик опустил руку в карман и вынул тетрадный листок. – Вот, возьмите. Только уравнение вы сможете увидеть, когда четвёртый легион будет в сборе.

Денис секунд десять раздумывал – взять или не взять листок, но потом с глубоким вздохом протянул руку. Повертел линованную бумагу, развернул. Лист был пуст.

– Ничего не перепутали?

– Нет, – коротко и твёрдо ответил Пифагор. – Сохраните его.

Денис свернул листок и сунул в задний карман джинсов. Пифагор поджал мятые губы, явно не доверяя надёжности выбранного места хранения.

– Учтите, как только легион соберётся вместе и вы прочтёте уравнение, бой за равновесие начнётся, – произнёс он. – В любом случае, даже если у вас ничего не выйдет и вы обнулитесь, я рад нашей сегодняшней встрече.

– Сколько времени даётся на решение одного уравнения?

– Время – понятие сложное, но скажу так: чем быстрее вы вернёте равновесие в норму, тем лучше. Ведь если вы не успеете, то сами можете погибнуть. Бывает, что команды решают одно уравнение за один день, а бывает, тратят целый год.

– А если мы откажемся его решать?

– Тогда происходит обнуление всех членов легиона.

– Опять обнуление?! – вспыхнул негодованием Денис. – Да что ж такое! Неужели ничего другого придумать не можете?

– Обнуление – наименее разрушительный вариант начать борьбу сначала.

– И как часто вы... э-э-э... обнуляете людей?

– Довольно часто, – с неприятным спокойствием ответил Пифагор, разглядывая идеальный маникюр. – Думаете, почему мы каждый год привлекаем всё новые легионы? Потому что старые по тем или иным причинам обнуляются и исчезают. А борьба за равновесие – вечна.

– Значит, легионы – всего лишь расходный материал? – с непонятно откуда взявшейся досадой спросил Денис.

– Нет-нет! – воскликнул Пифагор. – Не смейте так говорить! Легионеры – наши воины. Мы стараемся помогать им, насколько это возможно. Увы, другие пытаются им всячески помешать. Те, что жаждут нарушения равновесия, жаждут перекоса мира. Они уничтожили десятки наших легионеров.

– Ой, ну конечно! – схватилась за голову Вика. – Как без антагонистов-то? Зло не дремлет и всё такое...

Мрачные тени покрыли морщинистое лицо Пифагора. Он зловеще прищурился, водянистые глаза его подёрнуло тьмой, словно в них закапали чернил.

– Зло не дремлет. Никогда не дремлет. И у этого зла есть название – отступники равновесия, но чаще всего мы называем их дефекторами. Жестокие существа, безжалостные и коварные. Даже у меня от их взгляда нервно подрагивают колени, а уж у легионеров – и подавно. Уничтожить хотя бы одного дефектора – большая удача. Они боятся лишь собственной тени, которая имеет свойство поглощать всё, что существует вокруг. Вы сразу поймёте, что рядом с вами дефектор. Глаза его скрывает всепоглощающий огонь, красно-рыжий, как солнце на закате. Вот и всё, что вам надо знать. Дефекторы – ваши враги. Координаторы – ваши друзья. Таково установленное положение вещей.

– А вы кто? Враг или друг? – спросила Вика, заглядывая Пифагору в глаза.

– А я – ноль. Нейтралитет, – ответил старик.

Вика с несвойственным ей смирением опустила голову.

– Ноль... – тихим эхом повторила она, уставившись в одну точку перед собой.

– С сегодняшнего дня ваша жизнь изменится. С сегодняшнего дня вы легионеры равновесия! – торжественно произнёс Пифагор.

Глаза его осветились, как прозрачные озёра в лучах солнца.

– А как же наши родители, друзья, школа? Как же прошлая жизнь? – строго спросил Денис: он торжественностью момента не проникся.

– О, я вам не сказал? – спохватился Пифагор. – Извините. Моя забывчивость когда-нибудь меня погубит... Насчет прошлой жизни вы можете не беспокоиться, она продолжится без изменений. Есть незыблемое правило: вместо избранных легионеров их жизнь проживают отпрыски координаторов. Чтобы не нарушать равновесия.

– Что?! – остолбенела Вика.

– Что за бред! – повысил голос Денис.

– Вместо вас жизнь, что длилась до дня избрания в легионеры, продолжают отпрыски координаторов, – повторил старик дружелюбно и спокойно, будто рассказывал о погоде на завтра. – Те ребята на вас совершенно не похожи, ни внешне, ни внутренне, но, уверяю, никто не заметит подмены. Родители, учителя, друзья – никто из них не поймёт, что вместо вас появился кто-то другой. Ваши фотографии удалены из всех баз данных. Вас с сегодняшнего дня не существует. Здорово, правда?

Денис почувствовал, что в желудке что-то шевельнулось и подступило к горлу. Он посмотрел на Вику. Та явно была готова взорваться, в её глазах бушевали молнии. Если бы не миниатюрное телосложение, подруга давно бы скрутила старика, не оглядываясь на его возраст, и сдала властям.

Почувствовав неладное, Пифагор поспешил дополнить свои слова:

– Хочу вас сразу предупредить, легионеры: смириться с положением вещей. Вам нельзя приходить в бывшие места своего жительства, устраивать там истерику (признаюсь, были у нас и такие случаи), разговаривать с родителями. Особенно строго вам запрещено приближаться к тем, кто вас заменил. За выполнением этих условий следят сами координаторы.

– А что случится, если мы вернёмся домой? – с вызовом вздёрнув подбородок, спросил Денис.

Он, если честно, уже предполагал однозначный ответ: «Обнуление», но условие оставить собственную жизнь кому-то другому вызывало в нём настоящий ураган паршивых эмоций и желание сопротивляться.

– Да я прямо сейчас домой отправлюсь! – Вика покраснела от ярости и дёрнулась в сторону выхода из парка, но Денис остановил её, схватив за руку.

– Погоди, давай всё выясним, – сказал он твёрдо. – Домой ты всегда успеешь.

После всего того, что Денис узнал, в нём поселилось болезненное чувство ответственности, которое по отношению к другим он обычно не испытывал. Но если всё, что сказал старик, – правда, то Вика рискует жизнью, а он не мог этого допустить. Каким бы эгоистом его не считала подруга, на самом деле Денис всегда о ней беспокоился и опекал, как маленькую.

Пифагор как будто прочитал его мысли. Он удовлетворённо улыбнулся, словно объелся пирожных во время диеты, и, размяв жилистую шею, сказал:

– Координаторы редко ошибаются в выборе первого легионера. Если бы когда-нибудь я решился нарушить нейтралитет, то сделал бы ставку на четвёртый легион, так как в нём – вы, Денис. Вы – истинный нумерат

– Перестаньте меня нахваливать! – вспыхнул Денис. – Говорите, что случится, если мы вернёмся домой!

– Я не знаю, что именно случится. Уверен, родители вас не узнают и, скорее всего, вызовут полицию или сдадут вас в детский дом. Такое уже случалось в нашей практике. И не раз.

– А как же наши вещи? И где мы будем жить? Куда нам идти? – сыпала житейскими вопросами Вика.

Пифагор заулыбался ещё шире.

– О, на этот счёт не беспокойтесь. Мы всё предусмотрели. – Он сунул руку за пазуху, порылся во внутреннем кармане плаща и вынул ключ – маленький, как от почтового ящика, с пластмассовой биркой. Потом подал его Денису. – Возьмите. Как только ваш легион будет в сборе, вы сможете воспользоваться этим ключом. Он открывает одну из ячеек камеры хранения на местном железнодорожном вокзале.

Денис внимательно рассмотрел вещьцу. Ключ как ключ, ничего особенного. На бирке номер «12».

– И что в этой ячейке? – покосился он на старика, который в это время с отрешённым видом покручивал чёрный перстень на пальце.

– В ней вы найдёте всё, что понадобится для новой жизни. Там будет инструкция. Я же говорю, мы всё предусмотрели. – Он опять взглянул на часы без циферблата. – Вам следует поторопиться, ведь уже половина второго. День избрания – важный день, но он имеет свойство заканчиваться, как и все другие дни. Моё наставничество на сегодня завершено. До свидания. Я приду снова, – он задумался, – чтобы принести следующее уравнение... или обнулить кого-то из вас. Счастливой борьбы за равновесие, легионеры!

По парку пронёсся металлический лязг и скрежет – громкий и неожиданный. Денис вздрогнул, краем глаза заметив, что огромное колесо обозрения пришло в движение, завертелось медленно и неотвратимо. Пустые кабинки аттракциона дёрнулись и закачались.

– Колесо... – прошептала рядом Вика загробным голосом.

– Это ваших рук дело, да? – Денис обернулся на старика, но тот как испарился.

Денис повертел головой, уже догадываясь, что Пифагора он вряд ли увидит.

– Я знала, знала: сегодня что-то случится, но, – Вика сжала дрожащими пальцами лямку рюкзака, – но не до такой же степени...

6. Странная девушка в больничном халате

Воскресенье, 4-е апреля, 15:45

Денис растянул губы в почтительной улыбке. Настолько почтительной, насколько, по его мнению, вообще возможно. На душе скребли кошки, целая кошачья банда, но лицо Дениса выражало полнейшую учтивость и дружелюбие.

Он улыбался среднего возраста женщине, что сидела за стойкой с вывеской «Регистратура» в больнице скорой медицинской помощи. Сухопарая дамочка, напоминающая воблу, глядела на собеседника совершенно по-другому – устало и хмуро, характерно сужая подозрительные глаза-буравчики.

– Зачем вам эта девушка? – последовал от неё строгий вопрос.

Денис добавил к улыбке мужского обаяния и навалился на стойку локтём.

– Хотел навестить. Я эту девушку спас сегодня утром. И приезжал сюда вместе со скорой.

– Ваша фамилия? – без каких-либо эмоций спросила женщина, щелкая мышкой стоящего перед ней компьютера.

– Тимошин – моя фамилия. Тимошин Денис Павлович. Я свои данные уже оставлял вам сегодня. Проверьте.

Денис покосился на Вику, которая пристроилась на диванчике у выхода, и еле заметно кивнул, давая понять, что всё пока идёт по плану.

– Тимошин Денис Павлович? – переспросила женщина, активно прокручивая колёсико мышки.

– Да, всё верно, – ответил Денис, заглядывая через стойку регистратуры в монитор компьютера. – Так я могу увидеть ту девушку?

Женщина нахмурилась и, заметив, что Денис пялится в монитор, рявкнула:

– Нет, вы не можете её увидеть! Никакого Тимошина Дениса Павловича я здесь не вижу. Точнее, вижу, но на вас его фотография совершенно не похожа. Тот парень совсем другой!

– Но как же так? Я ведь был здесь сегодня утром и уже с вами разговаривал. Не помните? Вы ещё похвалили меня за храбрость...

Регистраторша сверлила растерянного Дениса острым, как стальные иглы, взглядом.

– Вы не можете увидеть ту девушку. Никто не может её сейчас беспокоить, кто бы вы ни были. У нас с ней и без того проблемы.

– Проблемы? – насторожился Денис.

– Она буйная, – неохотно пояснила женщина. – Пришлось колоть снотворное. В придачу, в её крови обнаружили какой-то странный препарат. Он вызвал у неё галлюцинации.

Денис убрал руки со стойки и вытаращился на регистраторшу.

– Галлюцинации?.. А личность её вы установили?

Дамочка-вобла неожиданно умолкла и устремила взгляд куда-то мимо Дениса, за его плечо. Потом улыбнулась и совершенно другим голосом – отзывчивым и мягким – проворковала:

– Добрый день, Виктор Ильич.

– Здравствуйте, Риточка, – донеслось из-за спины Дениса.

– Вы за теми медкартами? Сейчас, сейчас... – Женщина вскочила со стула и принялась перебирать медицинские карты, которые бесконечными стопками стояли на стеллаже у стены.

Денис посторонился, но подошедший мужчина в белом халате и узких квадратных очках неожиданно обратился к нему, с интересом при этом разглядывая.

– Вы наводите о ком-то справки, молодой человек? – Сквозь пушистые усы пшеничного цвета пробился тяжёлый докторский бас.

Денис прокашлялся.

– Я... я ищу девушку, которую сегодня утром привезли на скорой. Она упала с моста.

– Её фамилия?

– Не знаю.

– Кто она вам?

– Я вытащил её из реки. Она мне... никто, получается.

– Ах, это вы тот герой? – Голос врача смягчился, в нём появились нотки восхищения.

– Можно мне с ней увидеться?

– Вероятно, позже. Завтра или послезавтра.

– Нужно сегодня, – с напором сказал Денис.

– У вас горит что-то? – усмехнулся врач. – Девушка пришла в себя и физически совершенно здорова. Не беспокойтесь. Вы увидите её, как только она будет готова встречать гостей.

– А галлюцинации у неё прекратились?

Врач метнул строгий взгляд в сторону женщины, что продолжала рыться в стопках медкарт, и ответил:

– Вам знакомо понятие «врачебная тайна»? Я не могу рассказывать о своих пациентах каждому встречному.

– Но это важно... Я... Мне... – Денис умолк, пытаясь отыскать в голове правдоподобное объяснение, зачем ему понадобилась именно эта девушка.

– Ничем не могу помочь, приходите завтра, – развёл руками врач, забрал медкарты из рук улыбающейся регистраторши и направился в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

«Приходите завтра» – от этой фразы пахло неизбежностью. После неё чувствуешь себя ничтожным микробом, совершенно лишним членом общества.

Денис покосился в сторону Вики, затем повернулся к регистраторше и одарил её ещё более приветливой улыбкой, чем раньше.

– Можешь тут не лыбиться, – сухо отчеканила женщина-вобла. – Приходи завтра, тебе же сказали. – Обрубив всякие попытки к разговору, она уставилась в монитор.

Улыбка слетела в миг. Денис тяжело вздохнул и поплёлся в сторону выхода, ругая себя за неумение договариваться с людьми.

– Виктор Ильич, Виктор Ильич! – услышал он громкий и тревожный призыв. – Там ваша пациентка разгуливает в халате на улице! У пятого корпуса.

Это кричал охранник. Виктор Ильич обернулся со ступеней лестницы, удивлённо вскинув брови.

– У пятого корпуса? – Пшеничные усы доктора вздыбились.

– Да, да. Девчонку привезли сегодня. С моста кинулась... Ну, та... буйная.

Денис помчался к выходу.

– Вика! К пятому корпусу, быстро! – крикнул он подруге.

Та вскочила с диванчика и бросилась за ним.

* * *

Девушка действительно была в белом больничном халате и тапочках на босу ногу. Неслась она так, будто за ней гонится стая волков. Длинные чёрные волосы шлейфом развивались от стремительного бега.

Денис заметил её уже за воротами больницы.

– Стой! Стой! – крикнул он ей.

Девушка оглянулась, глаза её блеснули ненавистью вперемешку с диким отчаянием. Она в нерешительности приостановилась у края дороги и, подумав с секунду, кинулась прямо на

проезжую часть. Автомобили со свистом тормозили, водители сигналили и кричали вслед беглянке ругательства.

– Вот же чёрт... Куда тебя несёт? – выдохнул Денис и, прихрамывая, помчался за ней по тому же маршруту – через проезжую часть.

– Куда прёшь?! – неслось ему в спину. – Жить надоело?

Девчонка уже перебежала дорогу и под удивлёнными взглядами прохожих шлёпала тапками по тротуару в сторону ближайшей подворотни.

– Да стой же ты! Стой! – орал Денис.

Девчонка споткнулась, один тапочек слетел с её ноги, но она удержала равновесие и продолжила свой стремительный побег, не сбавляя скорости. Денис настиг её уже на следующей улице.

Он крепко ухватил девчонку за руку и остановился, переводя дыхание.

– Я ж тебе говорю... стой... сумасшедшая...

– Отпусти! – истерично завопила она, толкая его в грудь другой рукой.

Её длинные волосы спутались, растрёпанные пряди закрыли лицо. В таком виде сбежавшая из больницы пациентка больше походила на взбесившуюся ведьму, которую поймали за варкой запрещённого зелья.

Денис почувствовал ощутимый удар коленом в бедро. Потом ещё и ещё раз. Беглянка явно решила отработать на нём приёмы самообороны.

– Эй, прекращай! – прикрикнул на неё Денис. – Отпущу я тебя, не пинайся!

Девчонка уgomонилась, сознавая наконец, что кроме Дениса за ней никто не гонится. Она стояла в одном тапочке, поджимая босую ногу от холода.

– Ты бы хоть оделась, прежде чем на улицу выходить, – пробормотал Денис, косясь на её клетчатую пижаму, что виднелась из-под распахнутого больничного халата. – Не лето же...

– Чего тебе? – спросила девчонка и попыталась выдернуть руку, но Денис держал её стальной хваткой: вдруг пойманная снова пустится наутёк.

– погоди... – замялся он, отводя взгляд. – Я хотел кое-что посмотреть... Я... ну... только не подумай, я не маньяк какой.

Он быстро задрал рукав халата на правой руке девчонки, тут же получив от неё повторный удар по бедру коленом. Она, конечно же, целилась в пах, но ничего у неё не вышло: Денис увернулся.

– Наша. – Он ощутил прилив облегчения, увидев отметины на запястье буйной барышни: цифру «3» и знак «+», после чего отпустил её руку.

– Что – ваша? – нахмурилась беглянка, отступая на шаг и опять поджимая босую ногу. – Ты кто такой?

– Твой командир, – брякнул, не подумав, Денис.

Он, признаться, был смущён и оттого растерян. Девчонка-то оказалась приятной наружности, очень приятной... Когда он её из воды вытаскивал, особо лица не разглядывал, а тут перед глазами высокая жгучая брюнетка с длинными, до пояса, волосами. Таких обычно называют восточными красавицами: чёрные изогнутые брови, миндалевидные глаза с воинственным и горделивым блеском, смугловатая кожа, пухлые губы... Чёрт возьми, вот же угораздило его с ней связаться. Денис пребывал в некотором ступоре. Не зря говорят, красота – это сила.

– Да пошёл ты, придурок! – бросила девчонка, оттолкнула Дениса и направилась в сторону одинокого тапочка, что остался на тротуаре в грязной луже.

– Как зовут? – осведомился Денис, сохраняя максимально вежливый тон.

– Тебе какая разница? Сказала же: отвали! – не оборачиваясь, огрызнулась девчонка и продолжила ковылять в сторону лужи.

– Мне тебе кое-что рассказать надо, – сообщил Денис, поравнявшись с ней. – Время поджимает.

Девчонка остановилась. В глазах её мелькнуло нескрываемое презрение.

– Если торопишься, может, пойдёшь уже? Раз у тебя время поджигает.

Денис соображал, как рассказать спятившей красотке про легионы, цифры и равновесие. Какое тут равновесие, когда она пинается и готова пристрелить одним взглядом.

Девчонка тем временем дошла до лужи и принялась босой ногой цеплять плавающий тапок.

– Тимошин, мы пропали! – донеслось нервное издалика.

Денис обернулся. К ним летела Вика. Помпон на её шапке забавно подрагивал, но на лице застыла нешуточная тревога.

– Надо уходить, Тимошин! Они вызвали полицию!

Услышав эту фразу, девчонка попятилась.

– Вы кто, вообще, такие? Вы что, скрываетесь?

Денис быстро снял с себя куртку, оставшись в футболке, и подал оторопевшей беглянке.

– Надень. Пойдёшь с нами, – велел он ей уже совсем другим тоном – строгим и не терпящим возражений. – Обещаю, ничего плохого с тобой не случится. Если захочешь уйти, уйдёшь, но дай сначала всё объяснить.

Он показал ей своё запястье с отметиной, потом ткнул пальцем в её правую руку.

– У тебя цифра три, у меня цифра один, а у неё, – он указал подбородком в сторону приближающейся Вики, – цифра два.

Девчонка осмотрела собственную руку и как-то странно уставилась на Дениса.

– Хорошо, – без лишних вопросов ответила она, торопливо стянула больничный халат и скомкала, потом накинула предложенную куртку поверх пижамы и сунула комок из халата под мышку. – Что дальше?

Запыхавшаяся Вика была уже рядом и, не скрывая удивления, оглядывала девчонку.

– Он тебе всё рассказал?

– Не совсем.

Вика перевела растерянный взгляд на Дениса.

– Ты ей ничего не говорил, а она уже в твоей куртке щеголяет?

– Я умею вести переговоры, – отшутился тот, потирая пострадавшее бедро.

– Я бы поспорила, – возразила Вика, а потом, оглянувшись по сторонам, добавила: – Предлагаю поймать такси. Надо уехать отсюда подальше и побыстрее. Деньги есть у кого?

– Есть немного, но только на такси и хватит, – ответил Денис.

– Тогда чего стоим? Ловим!

* * *

Они пристроились на скамейке во дворе за пару кварталов от дома Дениса.

Девчонка в пижаме бежать никуда не стремилась, но и разговоров не вела. Она вообще была немногословной. Пока ехали в такси, молчала, смотрела на запястье, ковыряла его ногтём и пыталась стереть знаки рукавом Денисовой куртки.

– Не выйдет, – качал головой Денис. – Только кожу поцарапаешь, а метка останется. Проверено на себе.

Как только вышли из автомобиля, он принялся рассказывать, откуда взялись метки. Говорил мягко и деликатно, без эмоций, чтобы не напугать девчонку, но та слушала внимательно, серьёзно и не перебивала. То хмурилась, то опять смотрела на запястье.

Когда Денис закончил свой сбивчивый рассказ, девчонка прошептала:

– А я думала, что сошла с ума...

И заговорила. Не слишком откровенничала, сообщила лишь самое важное (по крайней мере, в её понимании). Ёжась и кутаясь в Денисову куртку, она рассказала, что её зовут Асель.

Фамилии не назвала. Сообщила, что лет до семи жила в Казахстане, потом родители её переехали в Москву, а из Москвы – в этот маленький городишко. История Асель была печальной. Отец умер год назад от инсульта, после чего и мать скосила болезнь. Младшая сестра осталась практически на попечении Асель.

– Так зачем же ты на мост полезла? – недоумевал Денис. – Сестру-то не жалко было оставлять?

– Откуда ты знаешь про мост? – опешила Асель.

– Этот дурень тебя спасал, – вставила Вика. – Вот откуда он знает про мост.

Асель помолчала, потом опустила глаза и тихо сказала:

– Значит, это ты кричал мне там, на мосту. И ты прыгнул вслед за мной. Так врачи сказали... И зачем прыгнул?

Денис даже растерялся.

– Зачем? Чтобы ты не погибла. Но лучше сама скажи, зачем прыгнула.

– Не знаю. Я не хотела, вообще-то... Мне было велено, чтобы, стоя на мосту, в течение сорока секунд я покончила с собой.

– В смысле – велено? – остолебенел Денис.

– Кто же тебе такое велел-то? – Глаза Вики удивлённо округлились за очками.

– Не знаю я. Шёпот в голове приказал. И, кажется, в этом виноват укол. – Асель расстегнула молнию на куртке, вытащила левую руку и закатала рукав пижамы до самого локтя. – Вот этот укол. Видите?

И правда, на руке девушки, практически у самого локтевого сгиба, виднелась маленькая чёрная точка, оставленная иглой.

– Мне в больнице сказали, что ты... – Денис замялся.

– Что?

– Что ты принимала препарат, который вызывает галлюцинации, – выдавил он кое-как. – Специально, что ли?

– Ты ударился?! – Асель вскочила со скамейки, как ужаленная. – Какая чушь! Я же не самоубийца!

– На твоём месте я бы так не утверждала, – хмыкнула Вика.

– Я и сама не заметила, как мне этот укол сделали!

– Ты ж не бегемот. Как можно не заметить, что тебе иглой в кожу тыкают? – Вика не преминула недоверчиво усмехнуться.

Асель нависла над ней и опять продемонстрировала след от укола.

– Посмотрите же, ну!

– Не наводи суету, психопатка, – пробурчала та, даже не взглянув на руку Асель.

– Можно я посмотрю? – сам не понимая, с какой целью, попросил Денис.

Он провёл пальцем по коже девушки в том месте, где остался след от иглы, и пробормотал в задумчивости:

– И кто бы мог это сделать?

Асель отдернула руку.

– Можете мне не верить, потому что всё это странно и на правду мало чем похоже... Но вот что я вам скажу... – Асель ненадолго задумалась, снова закутавшись в куртку Дениса, походила туда-сюда мимо скамейки и вдруг затараторила, как из пулемёта: – Сегодня в шесть утра я проснулась от боли в левой руке, открыла глаза и увидела, что возле моей кровати стоит пожилая женщина. У неё был шприц... А ещё она улыбалась, будто скалилась, глаза такие... красные, что ли. Или рыжие. Не поняла спросонья. Я спросила, что ей нужно и кто она такая, а она ничего не ответила и бесшумно вышла из комнаты. Я кинулась вслед за ней, но её нигде не оказалось. Сестра тоже ничего не видела. Только вот минут через пять я вдруг подумала,

что мне обязательно надо попасть на мост и прыгнуть с него. Что это важно, что я должна это сделать... Знаю, звучит, как бред... – Асель перестала метаться и опустилась на скамейку.

– Не меньший бред, какой мы тебе порассказали насчет цифр, равновесия, координаторов и дефекторов. – Дениса вдруг осенило. Он поймал Викин взгляд. – Помнишь, Вик, какого цвета у дефекторов глаза? Пифагор говорил, что они рыжего цвета... Неужели к Асель приходил дефектор?

– Так сразу? – качнула головой Вика, потом поджала губы: сейчас вылепит что-нибудь неприятное. И точно: – Тимошин, не обижайся, но вряд ли ты в данных условиях способен продемонстрировать силу своего великого математического ума.

– Это почему же? – оскорбился Денис: порой Вика переходила все границы грубости. Сейчас, например. Да ещё и при красивой девчонке.

– Тебя волнует кое-что другое, я ведь твою продажную шкуру насквозь вижу. – Вика бросила многозначительный взгляд в сторону Асель. – И я всё ещё не исключаю, что наша новая знакомая что-то недоговаривает.

– Да всё я договариваю! – Асель опять вскочила.

– Ладно-ладно, не ори, – махнула рукой Вика. – Потом разберёмся. Ведь сейчас в счастливом неведении скитается наш четвёртый товарищ. И где он скитается, ума не приложу... А время-то уже почти шесть часов вечера. Темнеет, есть хочется, денег у нас не осталось, идти нам некуда. Весело, правда? – Она горько усмехнулась. – Что делать будем, командир? – обратилась она к Денису, делая намеренный акцент на слове «командир», будто издевалась (скорее всего, так оно и было).

Денис задумался. На самом деле, найти третьего члена их команды труда не составило, потому что об Асель им сообщил Пифагор. А вот четвёртого где искать? Уже несколько часов Денис перебирал в уме всех, с кем он с утра встречался и разговаривал.

Народу набралось много: отец, кассирша в продуктовом магазине, кондуктор в автобусе, дворник Петрович, соседка с пятого этажа, какой-то мужик, с которым он случайно столкнулся у подъезда, водитель отцовской служебной машины Николай (бедняга работает даже в воскресенье, ведь повёз отца в очередную командировку), пятилетний мальчишка на детской площадке, тётка, которая спрашивала дорогу... А если считать и тех, с кем Денис разговаривал по телефону...

– Ты чего завис? Перегрелся? – прервала Вика его раздумья.

– Пытаюсь вспомнить, кого я сегодня видел и с кем разговаривал. Слишком много людей. И мне кажется, они все не подходят... Совсем не те... Они либо старше нас чуть ли не в два раза, либо младше. А нам нужен человек примерно нашего возраста. – Денис потёр затылок. – По-моему, я понял, кто наш четвёртый легионер, но, – он криво улыбнулся Вике, – ты будешь не в восторге.

7. Свидание не состоялось

Воскресенье, 4-е апреля, 20:50

Невыносимо яркая вывеска с кроваво-красными буквами «Барракуда» освещала половину улицы и практически всю парковку перед двухэтажным зданием ночного клуба. Денис глянул на часы – скоро девять вечера. Через десять минут откроется клуб. Именно там Денис ожидал встретить Арсения Макарова, который вряд ли пропустит воскресную вечеринку.

Пару месяцев назад Макаров Денису все уши на волейболе прожужжал про эту «Барракуду». Что, мол, у него там свои договорённости и его пускают, не оглядываясь на то, что ему ещё нет восемнадцати. Причём Арсений не только сам заявлялся в клуб, но и тащил с собой одну из многочисленных своих воздыхательниц. Каждый раз – новую. Денис тоже как-то попытался попасть в «Барракуду», но у него, в отличие от болтуна и балагура Макарова, договориться с охраной не вышло.

Пристроившись на краю парковки, там, откуда хорошо просматривались парадные двери клуба, Денис наблюдал за проходившими мимо людьми. Сам же в это время размышлял, всё ли он понял правильно, того ли человека принял за четвёртого легионера, не теряет ли он сейчас впустую драгоценное время. До конца дня осталось всего три часа.

Денис покопался в кармане куртки, по привычке вынул мобильник и бессмысленно уставился на экран. После разговора с Пифагором телефонные номера близких, друзей и знакомых исчезли, все аккаунты были удалены, доступ в интернет перекрыт, ни одно приложение не работало. С сегодняшнего дня телефон мог служить лишь замысловатым прямоугольным фонарём.

С тяжким вздохом Денис вернул гаджет в карман. Теперь даже Вике не позвонить, не узнать, как у них с Асель дела. Он за них беспокоился, ведь девчонки остались ждать в подъезде соседнего дома, у мусоропровода. Да уж, местечко ещё то, но им было не до выбора. Не тащить же их с собой караулить Макарова у клуба. Асель в пижаме и тапках точно устроила бы тут фурор.

Среди толпящейся у входа в «Барракуду» молодёжи мелькнуло лицо одноклассника. Кажется, это был Костя Привалов. Он слонялся с другом возле клуба, явно с намерением туда попасть. В голове тут же возникла идея – а не проверить ли слова Пифагора о том, что никто из бывших знакомых и не вспомнит теперь Дениса.

– Эй, Костя! – окликнул он одноклассника и, стараясь не прихрамывать на ушибленную ногу, направился к Привалову.

Тот обернулся, но на приветствие не ответил.

– Ты чего здесь делаешь? – с максимальным дружелюбием поинтересовался Денис.

Одноклассник покосился на товарища, стоящего рядом.

– Твой знакомый?

– Не-а, – мотнул тот головой.

Денис протянул Косте руку.

– Решил в «Барракуде» затусить?

– Ну да... А мы знакомы? – Костя с недоумением уставился на Дениса, но руку всё же пожал.

С горечью осознавая, что слова Пифагора оказались правдой, Денис натянуто улыбнулся, пробормотал:

– Э-э... извини... Кажется, я в темноте тебя с другом перепутал... – и поспешил ретироваться.

Да уж, ситуация не из весёлых. Выходит, теперь Тимошина Дениса Павловича не существует ни для одноклассников, ни для телефона, ни для регистраторши в больнице. Денис Тимошин существовал лишь для трёх товарищей по несчастью.

Неужели и отец его не вспомнит? От этой мысли закололо где-то в районе сердечной мышцы. Денис не мог смириться с тем, что никогда больше не увидит отца, не поговорит с ним, что какой-то другой парень сейчас притворяется его сыном. Денису нестерпимо захотелось побеседовать с этим «отпрыском координатора» и задать ему пару прямых вопросов.

Из-за угла ближайшего продуктового магазина вывернула парочка. Денис тут же узнал Арсения. Под руку с ним степенно вышагивала барышня – короткая юбчонка, сапоги, туго обтягивающие ногу почти до самых колен, кожаная косуха, еле прикрывающая пупок. Ну и, конечно, полномасштабный боевой раскрас: красная помада, кажущаяся в отблеске фонарей почти чёрной, а вместо век – сиреневые круги, больше похожие на синяки.

Спутницу Арсения Денис опознал не сразу. Где-то секунд через тридцать внимательного разглядывания.

Это была Наташка Егорова из 8-го «Б». Когда-то она сохла по Денису, в чём часто признавалась ему на переменах. Тогда он ясно дал понять, что не нуждается в её навязчивом общении, после чего стал для Наташки заклятым врагом, подлецом и сволочью. На Егорову, признаться, ему было наплевать, но всё же зачем она сегодня так обезобразилась, непонятно.

Предвидя непростой разговор с ничего не подозревающим и беспечным Макаровым, Денис решительно направился наперерез хохочущей парочке.

– Арсений, погоди! – громко позвал он.

Парочка продолжала идти, не сбавляя шага.

– Эй, Макаров! – опять окликнул Денис.

На этот раз Арсений притормозил и удивлённо уставился на Дениса.

– Тебе чего?

Денис почувствовал прилив облегчения, понимая, что Макаров его узнал.

– Я поговорить хотел, есть минута?

Арсений бросил многозначительный взгляд в сторону разодетой подружки.

– Прости, друг, сейчас времени нет. Занят немного... Сам понимаешь.

Наташка разглядывала Дениса с горячим интересом. Тому даже не по себе стало, будто у Наташки не глаза, а рентгеновский аппарат. Захотелось спрятаться за ширмой.

– Это кто? – шёпотом вопрошала Егорова у своего кавалера. – Новенький, да? Почему я его не знаю?

– Здравсьте, прибыли, – усмехнулся ей Арсений. – Ты, чё, Наташка? Свою бывшую любовь не узнала?

– Да иди ты, дурак! Я его впервые вижу!

– Брось притворяться, Натаха. Я же всё понимаю.

Наташка злобно вращала глазами, переводя взгляд с Арсения на Дениса и обратно.

– Да пошли вы оба! Идиотку из меня решили сделать? – Она повернулась к Макарову. – Отправляйся вместе со своей «Барракудой» в...

– Э-эй, притормози-ка, детка! – нервно рассмеялся Арсений. – Зачем отношения выяснять сразу? – Он перестал смеяться и с раздражением глянул на Дениса. – Ты чего припёрся? Решил мне вечер испортить? Или тебя серая мышь бросила? Ну, та, что в нелепой шапке ходит, потому что природа её нормальными волосами не наделила...

Короткий, но сильный удар не заставил себя ждать. Кулак угодил в район нижней челюсти Макарова. Тот отшатнулся к стене магазина, Наташка взвизгнула и принялась причитать: «Ребята, ребята, только не надо драться».

Арсений вытер кровь с нижней губы рукавом куртки и сплюнул под ноги, злобно сверкнув на Дениса глазами.

– Сволочь, – сказал он тихо. – Думаешь, тебе всё можно, да?..

– Ещё раз про Вику что-нибудь подобное пикнешь, убью, понял? – прорычал Денис. – Понял, нет? – повторил он с угрозой.

Арсений не понял. Он полез драться, налетев на Дениса с кулаками, пытаясь ударить в лицо, но тот уворачивался, чем ещё больше злил разъярённого противника. Ростом Арсений был пониже Дениса, в плечах поуже, да и возрастом помладше. Бить его Денис не хотел, так, проучить немного, чтобы язык не распускал.

– Мальчики, ну хватит. Пожа-а-алуйста, хваа-атит... – подвывала рядом Наташка. – Сенечка, прекрати.

Но Макарова будто кто-то запрограммировал. Он, как израненный на корриде бык, тяжело дышал и силился хоть раз попасть Денису по лицу. Тот же решил больше не медлить с главным вопросом, из-за которого, собственно, сюда и пришёл.

Он вцепился Арсению в плечи и прижал к стене магазина.

– Макаров, уймись, а! Вопрос такой: у тебя сегодня на правом запястье ничего не появилось?

Арсений дёрнулся пару раз и приутих.

– В смысле?

– В смысле – цифра. Если конкретно, то цифра четыре и знак плюс.

Макаров оттолкнул Дениса, но драться больше не лез.

– А в чём дело? – нахмурился он и, кажется, даже побледнел (в темноте-то не разберёшь).

Денис понял, что не ошибся. Арсений Макаров – отъявленный донжуан и капитан школьной сборной по волейболу – действительно оказался четвёртым легионером.

Наташка в это время с выражением полнейшего блаженства на лице проворковала:

– Мальчики, мне, конечно, приятно, что вы из-за меня дерётесь, но всё же это лишнее. – Она послала в сторону Дениса загадочную улыбку. – А тебя как зовут? Меня – Наташа. Тебе, кстати, говорили, что ты похож на одного голливудского актёра? Он тоже такой, – Егорова томно закусила нижнюю губу, – брюнет симпатичный.

– Чего? – вздёрнул брови Денис.

Ему сейчас было не до Голливуда. Ему бы Арсения отсюда увести поскорей. А тот хмурился и потирал запястье правой руки, потом неожиданно задрал рукав куртки.

– Такая цифра? – Он подставил руку под тусклый свет фонаря.

– Да, такая, – кивнул Денис, увидев чёткую отметину «4» и знак «+» на коже Макарова, и тоже засучил рукав. – Видишь? У меня цифра один.

Арсений нервно сглотнул.

– И что это такое?

– Я тебе объяснить пришёл, а ты кулаками машешь.

– Ты первый меня ударил, Тимошин. Я такие вещи не прощаю, ясно?

Денис устало вздохнул.

– Ясно, ясно. Извиняться всё равно не собираюсь, ты за дело получил. А теперь пойдём, нас ждут. Время уже почти десять. На вокзал ещё надо успеть.

– Сенечка, ты уезжаешь? – захлопала накрашенными ресницами Наташка.

– Да, он уезжает, – ответил за него Денис и подтолкнул Макарова в спину в направлении темного двора. – Он надолго уезжает. Возможно, не вернётся, и вообще...

– Я поняла! – оборвала Дениса Наташка, косясь на его меченое запястье. – Если это игра такая, то я с вами хочу. – Она молниеносно достала из крошечной блестящей сумки губную помаду и вывела на своём запястье цифру «5». – Ну, вот. Теперь я с вами.

– Это не игра, – покачал головой Денис. – Сотри цифру.

– Да она придуривается, – загоготал Арсений, а потом заявил: – Я с тобой никуда не пойду, Тимошин. Я думал, что ты нормальный, а выходит – псих. С психами не общаюсь, извиняй. И мне пофиг, что у тебя цифра на руке. Лично я со своими проблемами сам разберусь.

– Твоя персона тоже не вызывает во мне восторга, Сеня. Но без меня ты не разберёшься, – мрачно ответил Денис.

Неожиданно Наташка Егорова, которая всё ещё ожидала, что кто-нибудь из двух ребят останется с ней и, возможно, даже поведёт в клуб, заверещала, как ненормальная:

– Смотрите! Кто это?! Кто это такие?!

Она показывала пальцем на трёх мужчин, появившихся будто из ниоткуда, из самой тьмы. Незнакомцы походили друг на друга, как две капли воды: темноволосые, с истощёнными серыми лицами и белыми, словно закатившимися, глазами. В одинаковых наглухо застёгнутых двубортных пальто, узких брюках и туфлях, начищенных так тщательно, что они отражали свет фонарей.

Группа мужчин приближалась быстро и бесшумно.

– Дефекторы... – выдохнул Денис.

– Дефе... кто? – шёпотом переспросил Арсений.

– Хватай Наташку – и бежим!

Но Наташка уже улепётывала, стуча каблуками. Она быстро пересекла парковку и неслась по тротуару вдоль дороги. Толпа одинаковых мужчин устремила за ней.

– Наташка! – крикнул Денис и бросился в ту же сторону, проклиная свою больную ногу: быстро бежать не получалось.

Позади него, громко топая, мчался Арсений.

– Эй, отстаньте от неё! Отстаньте! – орал он, срывая голос.

Наташка завернула за угол многоэтажки и скрылась во мраке двора. Туда же проследовала группа белоглазых знакомцев.

– Кто это такие? Зачем им Наташка? – задыхаясь от быстрого бега и тревоги, спросил Арсений.

– Сам не понимаю, – пропыхтел Денис.

Они заскочили в тёмный двор. На столбе тускло светил одинокий фонарь. Всё вокруг словно вымерло, хотя на улице было не так уж и поздно.

Ребята огляделись.

– Ната-а-ша-а-а, – позвал Арсений. – Это мы. Не бойся, выходи.

Незнакомцы в чёрном исчезли.

Денис проследовал к крыльцу ближайшего подъезда. Осмотрелся – никого. Прошёл на детскую площадку, окинул глазами ряды скамеек, заглянул за кусты, проверил за качелями.

– Денис! Денис! – заревел неподалёку Арсений. – Я нашёл её! С ней что-то не та-а-ак!

Денис помчался на зов, в сторону ряда мусорных баков на краю двора, и увидел, что Макаров сидит на коленях, склонившись у распростёртой прямо на асфальте Наташки.

– Наташа, Наташечка, очнись, очнись... – бормотал Макаров, как заведённый.

Денис подскочил к девочке. Бегло осмотрел: ноги-руки целы, но вот куртка расстёгнута, а из-под майки на асфальт сочится что-то чёрное, склизкое, тягучее, стекает в лужу.

– Кажется... она не дышит... – Арсений схватил Наташку за плечи и в панике начал трясти.

– Уйди! – Денис оттолкнул Макарова от тела Наташки и приложил ухо к её груди.

Тишина. Мёртвая, могильная, чудовищная тишина. Сердце Наташки Егоровой не билось.

Давя в себе подступающую панику, Денис схватил бездыханную девушку за руку и принялся прощупывать пульс. Ничего, глухо, совершенно тихо. Оставалось последнее – проверить

сонную артерию. Самый надёжный вариант проверки сердцебиения. Денис приложил трясущиеся пальцы к шее Наташки и... не ощутил пульса и там.

Происходящее казалось нереальным, каким-то киношным или мультяшным. Неужели Наташка умерла?... Умерла по-настоящему. Майка на животе несчастной девушки пропиталась кровью.

Арсений округлил глаза. В них застыл ужас.

– Что делать?... Что делать, Дэн?

Денис выхватил телефон из кармана и принялся набирать номер скорой. Пальцы не слушались и, как назло, попадали не на ту цифру. Вот наконец экстренный номер набран. Ожидание. Телефон выдаёт ошибку.

– Набери на своём. Мой не работает!

– Уже набираю, сейчас, сейчас... – Макаров смотрел на экран телефона, но, как и в случае с Денисом, тот выдавал ошибку. – Чёртов смартфон! – Он швырнул гаджет на асфальт и раздавил пяткой.

Телефон жалобно хрустнул, испустив прощальный луч голубоватого света в темноту.

– Тимошин... Что делать? – Арсений схватился за лоб трясущейся рукой, тут же испачкав его Наташкиной кровью.

– Быстро лови машину! – велел Денис. – Сами её в больницу отвезём! Я попробую сделать реанимацию, пока ты ходишь...

– Какую реанимацию? – вытаращился на него Макаров.

– Вали к дороге! Быстро! Лови тачку! – заорал на него Денис.

Арсений без лишних слов кинулся исполнять приказ. Денис же опустился на колени около тела Наташки, вспоминая лекции по оказанию первой медицинской помощи.

В запасе у него было не больше трёх-четырёх минут.

«Принимай решение быстро. Когда жизнь человека висит на волоске, делай то, что умеешь и знаешь. Это лучше, чем не делать ничего. Потом случившегося обратно не веротишь», – строгое правило отца-военного звенело в ушах.

Уже почти год по требованию родителя раз в две недели Денис ходил на лекции в спецкласс при военном вузе, а там преподавали и ОБЖ. Отец пытался впихнуть в мозг Дениса всё, что считал необходимым для жизни, будто готовил его к полёту в космос.

Кто бы знал, что эти разрозненные знания могут пригодиться. Вот как сейчас.

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть... – тихо считал Денис вслух, ритмично надавливая ладонями на грудную клетку бездыханной девушки.

Чудовищная ответственность нависла над его головой пудовым камнем. Возможно, он своими неуклюжими действиями сделает Наташке только хуже. С другой стороны, куда ещё хуже, чем клиническая смерть? Разве что смерть биологическая. Настоящая.

Покрываясь потом и не прекращая давить руками, Денис считал и считал, бормоча себе под нос:

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть...

Прошла уже пара минут. А как будто час.

Денис делал всё точь-в-точь, как твердили на лекциях, мысленно воспроизводя советы и действия преподавателя – ни одного лишнего движения, ни секунды промедления...

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь...

Часы на руке отмеряли минуту за минутой. Напряжение в мышцах росло, дыхание сбивалось, едкий пот стекал по лбу в уголки глаз. Кажется, Денис не уставал так даже после самых тяжёлых своих тренировок.

– Дыши же, дыши... – шептал он, обращаясь к бездыханной Наташке. – Чёрт бы тебя побрал, дура... Зачем ты убежала?

Десять минут. Прошло уже десять минут. Бесконечно долго, когда пытаешься отогнать уже прибывшую на жатву смерть.

Свет фар подъезжающего автомобиля осветил двор. Из машины выскочили Арсений и водитель – пожилой мужчина в кепке и куртке.

– Ну что, Дэн? Что? Как она? – допытывал Макаров, нависнув над Денисом.

Трясущимися пальцами тот снова проверил сонную артерию на шее Наташки. Кожей почувствовал еле ощутимые толчки пульса. Девушка тихо, почти незаметно, вдохнула, но осталась без сознания.

– Она жива? Жива? – Арсений вцепился в плечо Дениса. Да так, что стало больно. – Чего молчишь, Тимошин? Ну? Жива Наташка?

Тот закивал, смахивая с себя оцепенение:

– Кажется, да... кажется...

– Несите её сюда! – Водитель распахнул дверь и освободил заднее сиденье.

Арсений аккуратно взял Наташку на руки и понёс к машине. Пристроив девушку, все быстро сели в автомобиль. Тот рванул с места.

Денис вытер пот со лба и устало откинулся на спинку провонявшего табаком кресла рядом с водителем. Колотила внутренняя дрожь, натянутые нервы звенели и вибрировали. Он обернулся на побледневшего Макарова, что сидел позади, придерживая Наташкину голову на коленях.

– Ты всё ещё надеешься, что сам разберёшься?

Арсений задумался на пару секунд и серьёзно ответил:

– Я хочу знать, что происходит. И ты мне объяснишь. А потом будем разбираться вместе.

* * *

Ребят к Наташке, конечно, не пустили. Девушку сразу же отправили на операционный стол, обронив при этом, что у неё рваная рана в районе диафрагмы, но жизненно важные органы брюшной полости целы. Когда хирург, что осматривал Наташку, узнал, что Денис сделал ей непрямой массаж сердца, то похлопал его по плечу и сказал, что тот сегодня спас жизнь человеку.

«Когда же этот день закончится-то, а?», – пребывая в странном унынии, подумал Денис.

Героем он себя не чувствовал, ощущал лишь неподъёмную усталость. Дикое суматошное воскресенье отняло у него все силы и прошлую жизнь в придачу. А вот проблемы обрушились на Дениса, как ураган. Сумасшедшее четвёртое апреля, будь оно неладно.

– Ты что, искусственное дыхание Наташке делал? Как в кино? – удивлялся Арсений, пока они ждали в фойе больницы скорой медицинской помощи (Денис за сегодняшний день появился туда уже в третий раз).

– Нет, не искусственное дыхание и не как в кино. Если делать, как в кино, можно отправить человека на тот свет раньше времени.

Арсений уставился на Дениса, как на человека, который владеет паранормальными способностями: недоверчиво, но в то же время с восхищением и уважением.

В фойе появилась медсестра и направилась к ребятам.

– Вы зачем девушке на лбу черту нарисовали? – спросила она, листая медкарту с пометками врача, первым осмотревшим Наташку Егорову.

– Ничего мы ей на лбу не рисовали, – пробурчал Макаров. – Заняться нам больше нечем, что ли?

Женщина нахмурилась и с подозрением посмотрела на Арсения.

– У неё во весь лоб была нарисована поперечная черта. Кстати, помадой. Кто мог это сделать и зачем?

– Да не знаем мы, – развёл руками Денис. – Вы лучше скажите, всё ли с ней в порядке?

– Жить будет. Но ранение странное, в нашей практике такого ещё не было... – Медсестра вдруг замолчала, внимательно окинув измазанные кровью руки ребят, скользнула взглядом по их напряжённым лицам. – Прошу остаться вас здесь. Будем разбираться.

– Да-да, мы подождём, – закивал Денис.

Как только медсестра вышла, он направился к выходу.

– Пошли. Они в нападении нас подозревают. – Денис вытер испачканные ладони о джинсы. – Наташка теперь в безопасности, а у нас ещё дела остались.

Покинув больницу, они поспешили напрямик в тот двор и подъезд, где Денис оставил Вику и Асель. Хорошо, что у Арсения при себе имелись деньги, и он заплатил за такси. Как оказалось, наличных у него, как у заживевшего банкира, оставалось ещё на порядочную сумму.

Водитель сначала не заметил, что одежда и руки его пассажиров заляпаны кровью. Когда же наконец разглядел их в зеркало заднего вида, то резко принял вправо и ударил по тормозам.

– А ну, кыш отсюда! – гаркнул он так, что возникло желание немедленно раствориться в пространстве. – Полицию вызову!

Ребята вылетели из машины, как ошпаренные. Судьбу решили не испытывать и с разъярённым таксистом не спорить.

На бегу Денис посмотрел на часы. Одиннадцать вечера. Оставался всего лишь час до конца дня, а им надо добраться до девочек, а потом – до вокзала.

– Здесь срежем! – крикнул он Арсению, махнув в сторону длинного ряда железных гаражей. – Недалеко, добежим.

Макаров свернул за Денисом с освещённого тротуара. Проскочили пару узких закоулков, перемахнули забор из металлической сетки, оказавшись по колено в куче мусора, преодолели стройный ряд мрачных гаражей.

Денис уговаривал себя не замечать боли в ноге, а та, как назло, только усиливалась. Перевязанную бинтами голень будто сдавило раскалёнными тисками.

– Ты чего хромаешь? – осведомился Макаров.

– О камень ударился. Не заметил под водой.

– Под водой?

– Да так... – Денис замялся, прикидывая, как объяснить Арсению свои злоключения, и решил, что надо бы покороче: – С моста прыгнул.

– А-а-а, с виду вроде нормальный, а на самом деле – на всю голову больной, – сделал вывод Арсений и больше ничего у Дениса не спрашивал.

Наконец они добрались до нужного двора.

– Шестой дом, третий подъезд, – коротко сообщил Денис, пересекая двор быстрым шагом. – Они ждут.

– Кто – они? – с тревогой уточнил Макаров. – Такие же психи, как ты?

– Те, у кого цифры на руках.

– И сколько таких ненормальных?

– Двое. Я всё объясню тебе позже.

– Уж постарайся.

Ребята поспешили в подъезд. Одинокая лампа освещала двери лифта. Заскочив в кабину, Денис нажал седьмой этаж.

– Почему они ждут тебя в подъезде, да ещё и на седьмом этаже? – нахмурился Макаров. – Нельзя дома подождать, что ли?

– Если бы можно было подождать дома, поверь, они бы там и подождали, – отрезал Денис. Двери лифта распахнулись.

– Ну наконец-то! – с облегчением вздохнула Вика, соскакивая с подоконника.

– Ты что, ранен? – переполошилась Асель, заметив на Денисе кровь.

– Всё нормально, кровь не моя.

– А чья тогда? – обмерла Вика. – Вы по дороге кого-то прирезали? – то ли в шутку, то ли всерьёз добавила она.

– Потом расскажу, сейчас на вокзал надо успеть. У нас сорок минут. – Он обернулся на Макарова. – Познакомьтесь, это Арсений. Наш четвёртый легионер. А это Вика и Асель.

– Привет! – сверкнул белоснежной улыбкой Арсений. – Ты почему не сказал, что будут дамы?

Он был сейчас не в лучшем виде: брюки и куртка измазаны в пыли и крови, нижняя губа разбита в драке с Денисом, волосы взъерошены, но взгляд его – отточенный и натренированный – оценивал стоящих перед ним девчонок с профессионализмом человека, проводящего кастинг для конкурса красоты.

Ну а Вику просто распирали изнутри клокочущий праведный гнев. Денису одного взгляда хватило, чтобы понять: подруга еле держится, чтобы не высказать Арсению всё, что она о нём думает, прямо в лицо. Она вообще людей недолюбливала, но таких, как Макаров, готова была покромсать на части и скормить собакам. Мало того, что он спортсмен и популярный парень, так ещё и ухмыляется, будто владеет нефтяной скважиной и ему всё позволено.

– Это шутка судьбы такая, да? – проворчала Вика. – Зачем нам этот блондин с куриными мозгами? Я лучше обнулюсь, чем буду находиться с ним в одной команде.

– Куда тебе обнуляться? Ты и без того полный ноль, – зло скаламбурил Арсений.

Денис схватил его за грудки.

– Мы, кажется, с тобой договаривались...

– Ты ещё со своей подружкой договорись, чтобы она меня не оскорбляла, окей? – процедил Арсений, убирая от себя руки Дениса. Потом повернулся к девчонкам: – Кто там на вокзал собирался? Полчаса осталось и...

– Мы не можем ехать в таком виде, – обрubiла его Вика. – Вы оба выглядите, как сектанты после обряда жертвоприношения.

– А нас и спрашивать ни о чём не будут. – Самодовольная ухмылка Арсения говорила сама за себя: он король мира и решает любые проблемы.

В руках он демонстрировал три новеньких купюры приличным номиналом.

– Откуда у тебя столько? – удивилась Асель.

– Это лишь мелкая часть абонентской платы от равнодушных родителей, – ответил Макаров, пряча купюры в карман. – Они так совесть успокаивают. Им спится лучше, да и я всегда при бабках.

– Прожигатель жизни, – с укором обронила Вика. – Мажор недоделанный.

– Серость в шапке, шизофреничка, – моментально отреагировал Арсений.

– Ладно вам! – пресёк их содержательный диалог Денис.

Ребята спустились вниз и, поймав старенькие «Жигули» с шашечками на крыше, отправились на железнодорожный вокзал. Как и утверждал Арсений, таксист ничего у них не спрашивал. Он старался вообще не смотреть на молчаливых подростков, пристроившихся вчетвером на заднем сиденье, и, как только те вышли из машины у здания вокзала, ударил по газам и скрылся за перекрёстком.

Денис посмотрел на часы. Для того, чтобы открыть ячейку камеры хранения и получить инструкции, оставалось ровно десять минут.

Четвёртое апреля вот-вот закончится.

8. Инструкция

Понедельник, 5-е апреля, 00:25

Накрапывал холодный мелкий дождь.

Свет тусклого фонаря освещал хмурые лица собравшихся. И, как бы ни острил Макаров, как бы ни брюзжала Вика и как бы красноречиво ни молчала Асель, страх неизвестности и тревога за собственную жизнь мрачными тенями отпечатались на их лицах.

В одной руке Денис держал миниатюрный тёмно-синий чемоданчик с навесным замком и прикреплённым к нему ключом на брелоке, а в другой – листок с отпечатанной на принтере инструкцией.

– Приветствуем легионеров равновесия. Если вы читаете эти строки, значит, всё ещё живы и находитесь на правильном пути. – Намокший от дождя листок дрожал в руках Дениса, строчки скакали перед глазами. Он глубоко вдохнул полуночный воздух, смешавшийся с выхлопными газами неспящей привокзальной парковки, и продолжил чтение, впиваясь глазами в мелкий шрифт: – Координаторы благосклонно предоставили в ваше владение новый дом. Он находится в лесной зоне за городом, адрес указан ниже. Просим соблюдать чистоту...

– Дом? – заулыбался Макаров, потирая руки. – Загородный дом в наше владение? Опа, вот это подвезло! Да здравствуют вечеринки.

– Также просим не устраивать вечеринки и не привлекать к себе внимания, – прочитал Денис, не сдержав ухмылки. – Соседей в радиусе пяти километров нет, но требуем не нарушать спокойствия избранного места, а также законы, конституцию, гражданский и уголовный кодексы страны проживания.

– А я только повеселиться собрался, – с деланной досадой заметил Арсений.

– Оставь тупые шутки при себе! – зарычала на него Вика. – Дай инструкцию прочитать! Бесишь!

– Э, да у тебя с психикой проблемы. Таких, как ты, надо держать в клетке с надписью «Мышь серая, обыкновенная. Осторожно: инфицирована книжным бешенством». – Макаров во всю глотку расхохотался собственной шутке.

– Может, хватит? – Денис грубо пихнул Арсения рукой в плечо и потряс листком перед его носом. – Лично я хочу побыстрее с этим разобраться. – Он принялся читать дальше: – В доме вы найдёте всё, что нужно для жизни. Плюс ко всему, мы предоставляем вам карту, на которой отображено местонахождение других домов, где проживают легионы. Обращаем ваше внимание, что данная карта не должна попасть в руки нежелательных лиц – храните её, как зеницу ока. Также строго запрещено использовать карту на глазах у посторонних и в общественных местах. Для защиты карты мы придумали пароль, сказав который, вы сможете увидеть всё, что на ней находится... – Денис смолк и уставился на Вику.

– Тимошин, что за ступор? – с тревогой спросила та. – Читай, читай...

– Да пребудет с нами Виктория.

– Кто? – Взгляд Вики откровенно говорил: «Ты, Тимошин, окончательно слетел с катушек».

– Это пароль такой, – севшим голосом пояснил Денис. – Пароль звучит: «Да пребудет с нами Виктория».

Вика с каменным лицом взяла листок с инструкциями из его рук. Аккуратно, чтобы случайно не порвать пальцами вымокшую насквозь бумагу.

– Да пре-бу-дет с на-ми Вик-то-рия, – прочитала Вика по слогам, как первоклашка. – Почему Виктория? – задала она вопрос в ночную мглу.

– Ну, ты же не одна на свете с именем Виктория, верно? – заметила Асель.

– По-моему, «Виктория» на латыни означает «победа», – задумчиво пробормотал Денис. У Вики отлегло от сердца. Она даже улыбнулась. Второй раз за день – это рекорд.

– Точно, Тимошин! Да пребудет с нами победа. Именно победа и имелась в виду, а не я.

– Ясное дело: где ты и где победа, – не прекращал ёрничать Арсений.

– Да пошёл ты, питекантроп! – Вика еле сдержалась, чтобы не наброситься на Макарова и не оторвать его белобрысую голову.

Арсений злорадно захихикал: он вознамерился попортить Вике и без того расшатанные нервы.

– Хорошо, с этим мы разобрались, – кивнул Денис и забрал у подруги листок. – Читаю дальше. Карта позволяет мгновенно попадать в дома других одиннадцати легионов по всему миру. Однако использовать карту запрещено, если это не предполагает помощи в решении уравнения.

– Ого, – Арсений хлопнул в ладоши. – С этой картой мы можем по миру путешествовать. Круто, народ! Давайте сразу в Париж заскочим.

Денис издал стон обречённости и снова уткнулся в инструкцию:

– И последнее. Команда беспрекословно подчиняется избранному нумерату то есть легионеру под номером один, который несёт полную ответственность за благополучие и существование легиона. При малейшем неподчинении или угрозе миссии командир имеет право отправить любого из легионеров на досрочное обнуление, вызвав связного. Для этого ему необходимо начертить специальным мелом на ладони цифровой знак нуля и номер легионера, которого необходимо обнулить. После этого прибывает связной. – Он помолчал и с хрипотцой добавил: – Счастливой борьбы за равновесие... – потом опустил руку с листком и скользнул взглядом по лицам товарищей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.